

НИКОЛАЙ ДУБОВ

МАЛЬЧИК У МОРЯ

Николай Дубов
МАЛЬЧИК У МОРЯ

НИКОЛАЙ ДУБОВ

МАЛЬЧИК У МОРЯ

П О В Е С Т Ь

Издательство «Советская Россия»
Москва — 1978

P2
Д79

Художник **В. ДУДКИН**

Дубов Н. И.

Д79 Мальчик у моря. Повесть. М., «Сов. Россия», 1978.

96 с.

Дубов Николай Иванович — известный советский писатель. Широкую популярность и любовь читателей получили его повести «На краю земли», «Огни на реке», «Сирота», «Беглец» и другие. Книга «Горе одному» удостоена Государственной премии СССР.

Книга «Мальчик у моря» написана в 1963 году и с тех пор выдержала не одно издание.

Много пережил Сашук — маленький герой этой повести — за несколько дней своего путешествия. Впервые в жизни так резко столкнулся Сашук с добром и злом, прошел через свои первые радости и первые горести...

И сколько бы ни было в его жизни встреч и событий, эти несколько дней навсегда останутся в его памяти.

Д 70802—247
М—105(03)78 193—78

P2

© Издательство «Советская Россия», 1978 г., иллюстрации.

БЕЗДНА

Целый день Сашук ревет. Мать кричит на него, даже шлепает, отец обещает «напрочь оторвать уши». Сашук ненадолго затихает, потом снова принимается хныкать и канючить. Дядя Семен пригоняет к правлению старый «газон», в котором уже стоят ящик с продуктами и бочка с бензином. Рыбаки кидают в кузов свои сундучки, мешки, и тогда Сашук начинает реветь так горько и безутешно, что даже сам бригадир, Иван Данилович, удивленно оглядывается, подходит и опускается перед Сашуком на корточки.

— Ты чего нюни распустил?

— К-ктька,— захлебываясь, говорит Сашук.

Бригадир не понимает.

— Настя, чего он у тебя?

— Да ну, баловство! Собачонка своего везти хочет, кутенка. А куда его? И так мороки хватает...

Бригадир Иван Данилович нависает над Сашуком, как гора. Сашук затихает, беззвучно всхлипывая, смотрит на него снизу вверх, но, услышав слова матери, заводит снова:

— Ы-ы...

— Постой! — морщится Иван Данилович. — Гудишь, как бакан в тумане... Это он и есть?

Между ног Сашука стоит ивовая плетушка. В плетушке спит пегий щенок. Голова его перевешивается через край, щенок негромко, но внятно храпит.

— Ишь ты,— усмехается Иван Данилович,— притомился... Ладно, бери свою животику. Слышь, Настя, пускай берет, чего ты ребятенку душу надрываешь... Кутенок — не волк, я, чай, артель не объест...

Сашук вскакивает:

— Дяденька Иван Данилыч...

— Нет, ты погоди. Ты сперва беги умойся. Какой из тебя рыбак, ежели ты весь в слезах да соплях?

Сашук мигом подбегает к колодцу, плещет из бадейки на лицо, выдернутым из штанов подолом рубахи утирается и, подхватив плетушку, бежит к машине.

— Готов, ревушка-коровушка? — говорит Иван Данилович. — Иди с мамкой. Ты, Настя, садись в кабину, а то за Измаилом дорога и из мужиков душу выбивает.

— То ж ваше место, Иван Данилыч...

— А ты после болезни.

Иван Данилович подхватывает Сашука под мышки, и вместе с плетушкой Сашук оказывается в кабине.

— За ручку не хватайся, выпадешь — костей не соберешь.

Мать сидит рядом с дядей Семеном, Сашук становится у окна и высовывает голову наружу. Вокруг стоят ребята со вей улицы. Кто пришел отца провожать, а кто так — посмотреть. Они еще загодя начинают махать руками. Сашук им тоже машет. Немножко. Пускай знают. Они остаются, а он уезжает.

— Все сели? — говорит Иван Данилович. — Поняй, Семен. Счастливо...

Дядя Семен что-то поворачивает, «газон» начинает трястись и трогает. Ребята, крича, бегут рядом, но сразу остаются позади. Мелькают избы, на повороте сверкает оловянное зеркало Ялпуха. И вот нет ни Ялпуха, ни изб, дорогу сплошными стенами обступает кукуруза, размахивает желтыми метелками и заглядывает в кабину.

— С нашими темпами,— говорит дядя Семен,— только на похороны. Цельный день собирались. Теперь вот ночью ехай. А по такой дороге и в день — не сахар.

— Дорога ничего,— говорит Сашукова мамка. — Как-то там будет?

— А что? Нормально будет.

— Ну да! А зачем этого уголовника взяли? Нужен он...

— А что? Парень как парень.

— Да ведь в тюрьме сидел. Небось туда зря не сажают...

— Кто в тюрьме сидел? — спрашивает Сашук.

— Да Жорка этот, рыжий который да горластый... Ты от него подальше, слышь, сынок?

Дядя Семен косится на нее, но ничего не говорит.

Кукуруза расступается, за ней появляются домики, дома, потом домищи.

— Это что? — спрашивает Сашук.

— Город. Измаил.

Дома становятся все больше, все длиннее и все выше. Сашук высовывает голову из кабины, выворачивает ее, чтобы сосчитать окна, но все время сбивается. Город большой. Как десять Некрасовок. Нет, наверно, как сто... И улицы здесь совсем другие. Обсажены деревьями. И на дороге нет ни колеи, ни ям, она гладкая-гладкая, будто выструганная. И ни луж, ни пыли...

Дядя Семен притормаживает у перекрестка, и Сашук видит на большом камне лошадь, а на ней сухонького человека, который держит в поднятой руке чудернацкую шапку.

— Это кто?

— Суворов, — говорит дядя Семен. — Генерал такой был. Завзятый вояка.

— Он — как Чапай, бил фашистов?

— Фашистов тогда, кажись, не было. Он давно жил. Хотя, кто его знает, может, какие свои были...

— А ты, дядя Семен, фашистов бил?

— Нет, я баранку крутил.

— Ну все одно, на войне?

— На войне.

Город кончается. И вместе с ним кончается хорошая дорога. «Газон» начинает трясти, подбрасывать и заносить. Под колесами взрывается пыль, желтым облаком взвивается к небу и скрывает заходящее солнце.

По крыше кабины стучат.

— Семен, совесть надо иметь! — кричит Иван Данилович.

Дядя Семен дергает какую-то штуку, машина идет медленнее, но ее так же треплет, толкает, бросает из стороны в сторону. Сашук то и дело стучается головой о раму окна. Мать подхватывает его, сажает

на пружинное сиденье. Плетушка с кутенком подпрыгивает на полу кабины, кутенок мечется. Сашук сползает, поднимает плетушку, ставит себе на колени. Кутенок сворачивается в клубок и снова засыпает.

Так они и едут — взрывают колесами пыль, а сзади она клубится багровым пожаром. Изредка впереди появляется косой столбик пыли. Он стремительно мчится им навстречу, вырастает до неба. Дребезжа, проносится встречный грузовик, и тогда не только сзади, но и спереди все заволакивает пылью. Сашук и даже кутька во сне вертят головами и чихают. Мать обтирает лицо хвостиком косынки, а дядя Семен сердито, но тихонько чертыхается.

Солнце садится, и сразу же начинает темнеть. Дядя Семен включает фару — у него горит только одна левая. Жидкий желтоватый снопик света упирается в изрытую колдобинами дорогу. Иногда он выхватывает из темноты раскоряченное чудище, но машина подъезжает ближе, чудище оказывается старой ветлой или обшмыганным кустом. Глаза у Сашука режет, будто туда насыпали песку, но он, придвинувшись к самому ветровому стеклу, все смотрит и смотрит.

— Будет тарашиться-то, — говорит мать, — ничего там нет и смотреть не на что. Спи давай. — Она прижимает его голову к своему теплему боку.

— Да ну, мамк, не хочу я спать, — говорит Сашук и отодвигается. — А море скоро?

— До моря ты еще десятый сон увидишь, ночью приедем, — отвечает дядя Семен.

— Оно какое? Как Ялпух?

— Сравнил! — говорит дядя Семен. — Ялпух — лужа, а море — это, брат, бэдна...

Сашук недоверчиво смотрит на него. Смеется, что ли? Какая же Ялпух лужа, когда другой берег еле-еле видно, да и то если взобраться в плавнях на вербу. А где он начинается и кончается, и вовсе не видно, куда ни взбирайся.

— А бэдна — это что?

— Ну... бэдна и бэдна... Без дна, значит.

— Как это — без дна?

— Вот так. Без дна, и все...

Сашук пробует представить себе бэдну, но у него ничего не получается. У всего есть дно. В колодце дно совсем недалеко. Когда соседка Христина упустила в колодец ведро, туда забросили «кошку» на веревке,

пошарили-пошарили и достали. Ведро лежало на дне. Ялпух, конечно, куда глубже. Сашук и другие ребята сколько ныряли, а достать дно не могли. Только и там дно есть. Сашук сам видел, как в дно забивали колья для неводов и как с лодки бросали якорь. А якорь, он за что держится? За дно. Не за воду же! Значит, дядя Семен просто так говорит, чтобы посмеяться.

Сашук оглядывается на дядю Семена, но тот вовсе не смеется, а напряженно всматривается в еле освещенную фарой дорогу. И Сашук тоже смотрит на нее. В желтоватом снопике света все впереди начинает путаться, потом сливается в монотонную пеструю ленту и гаснет.

...Его будит кутькин скулеж. Сашук поднимается, спускает ноги с топчана. Кутька бросается к ним и скулит.

— Цыц! — строго говорит Сашук. — Чего нюни распустил?

В распахнутую дверь комнатки-клетушки врывается слепящий свет.

— Ух ты! — говорит Сашук и вслед за кутькой выбегает во двор.

Под навесом возле плиты, раскрасневшаяся от жары, мать мешает варево в здоровенном котле. Над большим двором, пустым и вытоптаным, как поскотина, полыхает зной. Только под стеной бригадного барака да у столбов жердевой изгороди торчат пучки пропыленной травы. Даже издали видно, что она жесткая и колючая.

— Мамк, а где все? — кричит Сашук.

— Где ж им быть? В море ушли, еще затемно.

Сашук смотрит в ту сторону, куда она показала. За оградой пустырь постепенно переходит в невысокий бугор, за ним ничего не видно.

— Поди поешь, — говорит мать.

Этого Сашук уже не слышит. Он припускает через двор, ныряет под жердину.

— Не лась купаться! — кричит мать. — А то лучше не приходи, все вихры оборву.

Бугор порос жесткой колючей травой, но Сашук не обращает внимания на колючки. Он бежит во весь дух. Сзади, поскуливая, ковыляет кутька.

Сашук взбегаєт на бугор, останавливается и отступает. Дальше нет ничего. Отвесной стеной бугор обрывается вниз. Обрыв такой глубокий, что у Сашука внутри все холодеет.

— Ух ты! — шепотом говорит Сашук. Он даже пятится немножко, но потом снова заглядывает под обрыв.

Далеко внизу змеится узкая полоска песка, у самого края ее об-

лизывают маленькие волны, а дальше — впереди, вправо и влево — нет ничего. Голубая, сверкающая, слепящая пустота. Как небо.

Сашук взглядывает вверх, над собой. Нет, небо другое. Оно бесконечно далекое, но знакомое, привычное — голубое и неподвижное. Лишь кое-где тихонько плывут белые-пребелые облака. Он переводит взгляд ниже. Там небо становится все светлее, потом начинает струиться, переливаться, нестерпимым блеском разливается во все стороны, подступает к самому берегу, где плещутся мелкие волны.

Сашуку даже трудно становится дышать. Значит, вот это и есть море? Значит, правду сказал дядя Семен, что оно без дна, раз оно такое большое — ни конца ни краю...

Он смотрит вдоль берега. Вдалеке справа виднеется высокая решетчатая башня, а на ней маленькая, как скворечница, будочка. Слева от берега уходит в море причал на сваях. Он не похож на тот, что Сашук видел в Некрасовке. Там низенький и пустой, как мосток. А здесь сваи выступают из воды высоко, а от настила к высокому берегу поднимается на столбах какая-то тоже решетчатая штука. Она упирается в большой, длинный сарай и исчезает в нем. Над причалом кружит несколько чаек. Одна из них летит в сторону Сашука, и он видит, что и чайки здесь совсем не такие, как на Ялпухе. Там маленькие, белые, а здесь здоровенные, как гусаки, и белые только снизу, а спина рябая, как у дикого гуся...

— Что ты тут сидишь? — раздается за спиной голос матери. — Зову-зову, как оглох... Небось купался? Говори по правде.

— Не, я не купался, — оборачивается Сашук к матери. — А где рыбаки? Может, они уже утонули?

Про себя он уже давно это думает, но решается сказать вслух только теперь, когда подходит мать. А что? Раз море такая бездна, как сказал дядя Семен, и совсем без дна, тут утонуть в два счета...

— Типун тебе на язык! — сердится мать. — Вон они, вертаются уже.

— Где, где? — вскакивает Сашук, но ничего не видит. Только когда мать поворачивает его голову и показывает рукой, он различает среди слепящей ряби еле заметные букашки — лодки.

— Я, мамк, здесь подожду.

— Нечего тут сидеть. Им еще часа два ходу. Поешь, потом вместе встречать пойдем.

КРУТОЙ ЗАСОЛ

К причалу ведут дощатые сходни с поперечинами из брусков. Между сходнями громоздится непонятная штука: от большого барака, который стоит на высоком берегу, прямо на причал опускается длиннющая резиновая лента. Она лежит на железных валках и похожа на желоб, такой широкий, что Сашук может лечь в него, как в люльку. Лента скрывается в большом ящике на причале, там изгибается и уже под валками снова уходит наверх, в барак.

— Это чего?

— Машина, чтобы рыбу гнать в цех, на засолку.

Сашук удивляется и не верит — как это рыбу можно гнать? Что она, дура, чтобы самой на засолку идти?

— Не подходи к краю, упадешь,— говорит мать, но Сашук все-таки заглядывает вниз, под помост.

Там переливается, плещет зыбкая зеленоватая глубина. Раза три «с ручками». А то и четыре. Может, даже самому бригадиру Ивану Даниловичу будет «с ручками», а он дяденька — ого-го, выше всех в Некрасовке... Но все-таки за этой глубиной видно дно — ровное песчаное дно, по которому бегут легкие тени и солнечные зайчики от волн на поверхности... А где же бездна? Может, там, где лодки?

Лодки уже подходят. Два ряда весел на каждой враз поднимаются,

дружно посылают Сашуку зайчиков и снова опускаются. Над лодками, горланя что есть мочи, мечутся чайки. Они обгоняют лодки, взмывают вверх, как планеры, разворачиваются, показывая толстые белые животы, пикируют вниз и кричат, кричат не переставая. Таких горластых чаек на Ялпухе нет...

Налитые серебристой рыбой лодки подваливают к причалу. Рыбаки взбираются на помост, подтаскивают к краю плоские ящики. В каждой лодке остается по два рыбака. Большими сачками они начинают перегружать рыбу в ящики. Сашук пробует пройти на конец причала к отцу, но оскальзывается на мокрых досках и падает.

— Ты зачем здесь? — кричит отец. — А ну, уходи на берег!

— Ничего, крепче будет! — говорит ему рыжий Жорка. — Пускай привыкает.

Сашук прижимается к стойке, на которую опираются валки резиновой ленты. Жорка, присев на корточки, разгребает руками рыбу в ящике. Длинных, с красивыми темными разводами на спине он бросает в особый ящик, маленьких черноспинных швыряет обратно в море.

— А зачем? — спрашивает Сашук.

— Что, выкидаю? Так это дрянь — голыши, их даже чайки не жрут. Давай подсобляй, приучайся. Вот это — видишь, с узором на спинке — скумбрия. Рыба первый сорт, ее сюда. А это ерш, пускай здесь остается.

— Ерш не такой.

— Ну, по-настоящему это ставрида, а мы ершом зовем.

Сашук берет в руки рыбку и тотчас выпускает — в ладошки впиваются острые шипы.

В ящик шлепается бугристая толстая лепешка.

— Во, — говорит Жорка, — обед нам пришел. Видел такую рыбу? Камбала называется.

— А почему у нее глаза на спине?

— Не на спине, а на одном боку. Другим она на дне лежит. На, тащи мамке. Удержишь?

— А то нет! — говорит Сашук, хватая рыбину обеими руками.

Камбала такая тяжелая и скользкая, что ему приходится прижать ее к животу. И все-таки он не удерживает. Рыбина шлепается на помост прямо Сашуку под ноги; он падает на нее, животом на колючки. Рыбаки смеются. Сашук обижается и отходит в сторонку. Оцарапанный живот щемит и саднит; ему хочется посмотреть, как он исцарапался, и даже заплакать, но он боится, что смеяться будут еще больше, и притворяется,

что смотрит на чаек. Чайки расплываются и сдваиваются. Сашук быстро-быстро моргает, чтобы прогнать слезы.

Наполненные ящики ставят один на другой, поближе к резиновой ленте. Из сачков, ящиков падают ставридки на помост, рыбаки ступают резиновыми сапогами прямо по ним. Сашук нагибается и начинает подбирать.

— Хозяйственный хлопчик,— говорит Игнат Приходько, их сосед по Некрасовке,— еще, гляди, боцманом станет...

— Просолится как следует — будет боцман что надо,— говорит Жорка.

— А как вы рыбу будете гнать? — спрашивает Сашук.— Она же снулая.

— Сейчас увидишь. Можно давать, Иван Данилыч?

Бригадир кивает. Жорка закладывает пальцы в рот, оглушительно свистит, и тотчас что-то начинает рокотать, помост трясется, а резиновая лента ползет вверх. Рыбаки подхватывают ящик с рыбой, опрокидывают в большой ящик над резиновым желобом; она сейчас же появляется в желобе и серебристой полосой плывет в нем к барaku.

— Ты на транспортере катался? — перекрывая шум, кричит Сашуку Жорка.— Нет? Тогда поехали?

Он хватается Сашука, поднимает в воздух. Сашук взбрыкивает, но не успевает вырваться и оказывается в ползущем резиновом желобе.

— Держись крепче! — кричит Жорка.

Желоб ползет к берегу, поднимается все выше, снизу что-то подталкивает Сашука, он судорожно вцепляется в края резиновой ленты.

— Эй! — орет Жорка.— Принимай ерша в засол! Соли покруче!

Мать кричит, бежит вдоль ленты, но достать Сашука уже не может. Лента ползет все дальше и дальше. Сашук уже выше, чем сам Иван Данилович. Он хочет сползти вниз, но лента несет его выше и дальше от причала, а вокруг так пусто и страшно, а до земли так далеко, что Сашук пригибается и зажмуривается. Чьи-то руки поднимают его, снимают с ленты и ставят в лужу на цементном полу. Только тогда Сашук и открывает глаза.

— Ты что это, кататься вздумал? Вот я тебе покатаюсь! — сердито говорит чужой усатый дядька и шлепает Сашука по тому самому месту. Шлепает он не сильно, но Сашук обижается — он же не сам залез на эту резиновую штуку...

Сашук выбегает в широкие, как ворота, двери. Снизу, с причала,

Жорка что-то кричит ему, машет рукой, Сашук отворачивается и идет домой. Каждую весну ноги у Сашука в цыпках. Цыпки еще и сейчас не сошли, но уже подживали, и Сашук о них даже не помнил, а теперь их начинает щипать и жечь: лужа на цементном полу была соленая. Сашук бежит к рукомойнику во дворе, задирая по очереди ноги, обмывает растрескавшуюся кожу. Щиплет меньше, но цыпки вспухают и краснеют.

— Я говорила — подальше от этого бандюги. — Мать приносит полную кошелку рыбы, вываливает ее на стол и принимается чистить. — Он тебя обучит, доведет...

Насупившийся Сашук молчит.

Рыбаки возвращаются с причала, фыркая и крякая от удовольствия, умываются и садятся за стол.

— Эй, Боцман, пошли рубать! — кричит Сашуку Жорка, но Сашук притворяется, будто не слышит и нарочно садится подальше от Жорки, рядом с отцом.

Едят долго, не торопясь — отдыхают. Потом начинают разбредаться, закуривать. Сашук так наелся кулеша и камбалы, что ему лень вставать. Кутька тоже осовел, свалился, высунув язык и выпятив вздувшийся живот.

— Привез все-таки... — говорит Игнат. — Бить тебя некому.

— А за что бить? — спрашивает Жорка.

— Чтоб собаку за собой не таскал. Баловство. Собака на цепи должна сидеть. Чтобы злой была.

— А ты сам на цепи сидеть пробовал?

— Мне незачем. Сажают кого следует...

Лицо Жорки краснеет, потом начинает бледнеть, а на открытой шее вздуваются толстые жилы. Но он перемогается и, помолчав, говорит:

— Ладно, считай, что я пока не понял... Только ты не зарекайся — еще сядешь. За жадность. Жадности в тебе на всю бригаду хватит.

— Ты меня не воспитывай, за собой лучше гляди...

Игнат поднимается и уходит в хату.

— Кугут чертов! — сквозь зубы говорит Жорка. — Собачонок ему помешал... Как его зовут?

— Кутька, — нехотя отвечает Сашук. Он решил про себя ни за что больше не водиться с этим Жоркой, но как же не ответить, если Жорка вступился за кутенка.

— Ну, кутька... Все щенята кутьки. Надо, чтобы свое имя было, на особицу... Ишь наел пузо, выгнулось, как бимс...

— А что это — бимс?

— Балки, на которых палуба лежит... Эй, ты,— Жорка щелкает пальцами,— Бимс, иди сюда!

Кутька поднимается и, волоча по пыли живот, подходит к нему.

— Гляди-ка, сразу понял! — радуется Жорка и начинает теребить щенка.

Тот опрокидывается на спину, задирает лапы и подставляет свой вздувшийся живот, на котором сквозь редкую белую шерсть просвечивает розовая кожа.

— Да ну,— говорит Сашук и поднимает щенка на руки — нечего над ним командовать.

Он снова идет к морю, садится над обрывом, кутька укладывается рядом. Ветер ерошит сверкающую гладь, волны у берега становятся больше, шипят и пенятся, расплываясь на песке. Чайки бесшумно скользят на распростертых крыльях, потом поворачивают и летят обратно, как патруль. Время от времени то та, то другая камнем падает на воду и снова взмывает вверх, держа в клюве рыбину. Чайка на лету заглатывает ее и опять неторопливо летит туда, потом обратно. А один раз большая чайка нападает на маленькую и отнимает у нее добычу. Маленькая чайка кричит, и тогда громко, пронзительно начинают кричать и другие чайки. Должно быть, они тоже возмущаются и сердятся на здоровенную ворюгу...

— Ты чего тут сидишь? Пойдем купаться?

Рыжий Жорка тихонько подходит, останавливается сзади. Сашук оглядывается на него и отворачивается.

— Никуда я с тобой не пойду.

— Что так? — Жорка садится рядом.— За транспортер обиделся? А ты не сердись. На сердитых, говорят, воду возят... Пошли.

— Не хочу. И мамка не велит с тобой.

— Почему?

— Она говорит, ты бандит.

Жорка вспыхивает и тут же бледнеет. И снова на шее у него вздуваются толстые жилы, а на щеках играют желваки, будто он катает за щеками орехи.

— Дура она,— помолчав, говорит он.

— Моя мамка не дура! — кричит Сашук.

— Ну, верно — про мамку так нельзя... Только зря она так говорит.

— И не зря! Она говорит, ты в тюрьме сидел.

— Ну, сидел...

— Вот! Значит, правда... А как это в тюрьме сидят?

— Да очень просто: запрут тебя под замок в камере — ну, в комнате такой, каменной,— и сидишь. И год, и два, и три... Какой срок дадут.

— И все время в камере? А на улицу?

— Какая уж там улица...— невесело усмехается Жорка.— Только если на работы пошлют.

— А за что в тюрьму сажают?

— Кого как — за воровство, за убийство, по-разному...

— А тебя за что?

— За дурость. Начальника одного побил.

— Разве начальников можно бить?

— Некоторых следует, только не кулаками. От кулаков все равно толку не будет, тебе же хуже...

— А за что ты его?

— Гад он был. Форменный самодур. Людей, можно сказать, мордовал... Хочет — дает работу, хочет — поставит на такую, что припухать будешь, а кто слово скажет — вовсе выгонит... Там почти сплошь бабы работали. А бабы известно: молчат да плачут. Ну, я и срезался с директором. «В чем дело, говорю, товарищ директор? У нас Советская власть или нет?» — «Советской власти, говорит, такие, как ты, не нужны». — «Ах ты, говорю, мешок кишок, за всю Советскую власть распи-сываешься? Думаешь, ты Советская власть и есть?» Слово за слово. Я, когда остервенюсь, себя не помню. Сгреб чернильницу — у него здоровая такая, каменная была — и в морду... При свидетелях. Ну, мне припаяли политику, вроде я против власти. Десятку дали. Пять лет отсидел, похлебал соленого. Потом пересмотрели, выпустили... Это давно было, в пятьдесят втором...

— А где он теперь, этот... самордуй?

— Самодур? Не знаю... Может, и сейчас в начальниках ходит. Да черт с ним!.. Пошли искупаемся.

— Не... Дядя Семен сказал, там дна нет.

— Как это — нет? Дно везде есть. Или ты плавать не умеешь?

— Умею. Только я боюсь, если без дна.

— Есть дно, есть. Пошли, вместе достанем.

Неподалеку от причала обрыв переходит в пологий откос. Разъезжаясь ногами в раскаленном песке, они сбегают по откосу к воде. Кутька кубарем скатывается следом, потом долго трясет головой и чихает.

НОЧНОЙ ДОЗОР

— Вон оно, дно, видишь? — говорит Жорка, раздеваясь.

— А там? — показывает вдаль Сашук.

— И там есть, только глубоко. И туда тебе плыть нельзя — утонешь.

— А чего это у тебя нарисовано? Разве на человеках рисуют?

На груди у Жорки синими точками наколоты бубновый туз, бутылка и женская нога. И сверху написано: «Что нас губит».

— Дурость! — отмахивается Жорка. — На дураках и рисуют.

— Ты разве дурак?

— Был. Может, и сейчас малость осталось.

Он разбегается, ныряет и так долго плывет под водой, что Сашук начинает думать, что он уже захлебнулся и утонул.

— Давай, Боцман! — кричит, отфыркиваясь, Жорка. — Ныряй!

Сашук набирает в себя побольше воздуха — у него даже щеки надуваются пузырями, — складывает ладошки возле самого носа, ныряет и... едет животом по песку на мелководье. Жорка хохочет.

— Чудик! Что ж ты землю пузом пашешь?

— А если тут мелко? — обиженно говорит Сашук.

— На тебя не угодишь — то глубоко, то мелко. — Жорка подплывает ближе, становится на ноги и пригибается. — Влезай на плечи.

Сашук вскарабкивается, вцепляется в его рыжие волосы. Жорка распрямляется, и Сашуку даже жутко становится, так высоко он поднимается над водой,— Жорка только чуть-чуть поменьше Ивана Даниловича.

— Готов? Але-оп!

Жорка встряхивает плечами. Сашук, не успев сложить ладошки, враскорячку, как лягушонок, плашмя плюхается в воду.

— Ну как?

— Здорово! — кричит Сашук. — Бимс, сюда!

Кутенок стоит у самого уреза, пятится от набегающих волн и тявкает. Сашук ловит его, подняв на руки, несет в воду. Кутенок скулит и вырывается. Сашук заходит по грудки, пускает щенка. Тот захлебывается, фыркает и отчаянно молотит лапами — плывет. Сашук идет следом и хохочет. Выбравшись на песок, Бимс трясет головой, висячие уши шлепают его по морде, как мокрые тряпки.

— Тут лучше купаться, чем у нас в Ялпухе, — говорит Сашук, совсем уже запыхавшись и улегшись на песок.

— Вода соленая, сама держит.

— А почему никто не купается, рыбаки наши?

— Они уже старые, им не хочется.

— Так ты ведь тоже старый.

— Еще не очень — только тридцать два года... Пошли, а то мамка тебя хватится, шухер поднимет.

Они поднимаются по откосу.

— Там чего? — показывает Сашук на решетчатую башню со скворечницей наверху.

— Пограничная вышка. Пограничники сидят, границу сторожат.

— От шпионов?

— Ну да.

— Пойдем посмотрим.

— Чего там смотреть? Да и они увидят — прогонят.

— А если ночью? Они и не увидят.

— Ночью, брат, спать надо.

— А там чего?

— Дот был. Немецкий.

Развалины дота недалеко от обрыва. Из уцелевших оснований бетонных стен торчат скрюченные железные прутья, покореженные балки. Щебень, присыпанный землей, зарос бурьяном. Сашук пробует обхватить

остаток стены, но пальцы его не дотягиваются до краев. От дота, немного не доходя до обрыва, змеятся осыпавшиеся, заросшие окопы.

— Может...— с надеждой в голосе говорит Сашук,— может, тут пули остались, а? Давай поищем?

— Как же, двадцать лет лежат, тебя дожидаются... Вон мамка бежит, сейчас она отольет тебе пулю.

Мать быстро-быстро идет им навстречу. Она даже не смотрит на Жорку, будто его совсем и нет, шлепает Сашука, хватает его за руку и тащит к дому. Только когда Жорка остается далеко позади, она сердито шипит:

— Сколько раз говорила, чтоб ты к этому бандюге не липнул!

— Так он совсем не бандюга, мам, он рассказал... Ой, ну чего ты дерешься?.. Будешь драться, и тебя в тюрьму посадят.

— Вот я тебе покажу!..

Сашук, извернувшись, вырывается и убегает.

— Беги, беги, домой все равно придешь!

Сашука угроза не пугает: мать отходчива, долго сердиться не умеет.

Она и в самом деле отходит и, когда Сашук прибегает обедать, не только не шлепает его, но даже ни слова не говорит. После обеда мать моет посуду, потом начинает перетирать. Сашук садится в холодке за крылечком, рядом укладывается Бимс и тут же засыпает. Разомлевшего от еды Сашука тоже клонит в сон, он едва не засыпает, но в это время из барака на крыльцо выходит Жорка. Сашука он не замечает, идет прямо к матери. Она искоса взглядывает на него и тотчас опускает взгляд на посуду.

— Слышь, Настя...— говорит Жорка.

Мать слегка поворачивает к нему лицо, но глаз не поднимает.

— Ты чего мальчика от меня шугаешь?

— Ты ему не компания.

— Ему тут никто не компания — одни старые хрычи.

— Хрычи не хрычи, да уж и не замаранные...

— А я замаранный? Я что, убил кого или ограбил?

— Я там не знаю...— говорит мать и так сердито трет полотенцем миску, будто хочет провертеть в ней дырку.

— Так ты спроси!

— Не мое это дело, незачем и спрашивать.

— А зачем словами кидаться? «Бандит», «в тюрьме сидел»...

— А скажешь — нет? — вскидывается мать.

— Ну, сидел... Так ведь за что? За таких вот дур вступился...

Мать молча трет все ту же миску, потом говорит:

— Сказать все можно...

— «Сказать...» — повторяет Жорка. — За словами человека видеть надо... Эх, ты!

Он поворачивается и, опустив голову, уходит в барак, а мать исподлобья смотрит ему вслед.

— Ну чего ты к нему привязалась, мамка? — говорит Сашук. — Он же...

— Цыц! — кричит мать и в сердцах замахивается полотенцем. — Ты еще туда же...

Перед вечером рыбаки снова уходят в море. Сашук вместе с Бимсом провожают их до причала, потом сидят на причале и смотрят им вслед, пока лодки не становятся совсем крохотными. Тогда Сашук свистит Бимсу и идет к бывшему доту. В конце концов, откуда Жорка знает? Вдруг что-нибудь там осталось и никто не нашел, а он, Сашук, найдет? Некрасовские ребята прямо треснут от зависти...

Как он ни старается, ничего не находит. Всюду верблюжья колючка, репейник, бетонный щебень и раскаленная солнцем пыль. Сашук только зря искалывает руки и весь исцарапывается. Тогда он начинает играть в войну. Залегает в осыпавшийся окоп и строчит из пулемета по фашистам: та-та-та-та-та... Одному играть скучно, и мешает Бимс. Он бегаёт без всякого толку и не понимает никаких команд. А когда Сашук попластунски ползет в разведку, Бимс начинает лаять и хватать Сашука за пятки. Какая уж тут разведка...

Сашук бежит к пограничной вышке, но скоро переходит на шаг, потом останавливается. Возле лестницы, поднимающейся к будке, привязана лошадь. Она переступает с ноги на ногу и обмахивается хвостом. Может, там кого уже поймали?.. Ему очень хочется подойти поближе и рассмотреть все как следует, но он заранее знает, что его прогонят. Если бы еще солнце не так ярко светило, тогда можно бы подобраться незаметно, но солнце, хотя и стоит низко, светит вовсю, а степь голая, как цыганский бубен, никуда не скроешься, его издали заметят и обязательно шуганут. Большие ведь всегда думают, что только им все интересно, а маленькие пускай как хотят...

Сашук бредет домой. Он хочет дожидаться возвращения рыбаков, но мать заставляет его есть, потом он кормит Бимса, а потом глаза у него начинают слипаться, и просыпается он уже ночью, на топчане.

За перегородкой наперебой храпят рыбаки. Отец и мать тоже спят. Спит и Бимс на полу возле двери. В окно над самым подоконником заглядывает луна. Сашук тихонько сползает с топчана, идет к двери. Бимс пытается свернуться калачиком, но вздувшийся живот мешает, и он опять распластывается на боку, раскинув лапы.

Чтобы далеко не ходить, Сашук пристраивается тут же у крылечка. Луна, совсем не некрасовская, а какая-то непохожая — огромная, наливающаяся красным, — висит над горизонтом. И во дворе и в степи все-все видно, только совсем иначе, чем днем. Призрачно и печально. Пограничная вышка черным пятнышком торчит среди редких звезд.

А что, если сейчас пойти и посмотреть, как они ловят шпионов? Сашук дома тоже ловил. В плавнях. Там здорово трудно ловить, когда ребята спрячутся в камышах. Так ведь то понарошку...

Сашук осторожно шагает и прислушивается. Из хаты доносится храп. Бригадир Иван Данилович всегда храпит ровно и густо, как трактор на холостом ходу... Сашук шагает дальше. Ноги утопают в теплой пыли, и шаги совсем не слышны. Он ныряет под изгородь, бежит к вышке. Вот уже и бугры разрушенного дота, осыпавшихся, заросших окопов. Сашук переходит на шаг, оглядывается по сторонам. Нет, он нисколько не боится, но все-таки ему становится жутко: там же мертвяки, убитые фашисты... Днем они ничего не могут, а ночью?..

Где-то поблизости пронзительно свирит цикада. Сашук останавливается. Снова тихо. Бугры немые и неподвижные. И вдруг он видит, что из земли торчат скрюченные руки... Сашук обмирает, холодеет и только собирается заорать и дать деру, как вспоминает, что днем уже видел их, и это совсем не руки, а погнутые железные балки. Сашук переводит дух. Ну чего в самом деле? Фашистов тут убивали, но хоронили где-нибудь в другом месте... Значит, никаких мертвяков тут нет!

Озираясь по сторонам, Сашук тихо и осторожно, как по стеклу, проходит мимо бугров. Спина у него становится деревянная, дыхание все время перехватывает. Бугры остаются позади. Сашук идет быстрее, потом бежит. Вышка уже недалеко. Из-за бугра выглядывает только краешек багровой луны. Он тает, исчезает, и сразу, вдруг становится совсем темно... Сашук бежит вперед что есть духу, натывается на лестницу вышки и вцепляется в нее.

Вокруг стоит тишина. В черном небе мерцают редкие звезды. Рядом топырится кустик верблюжьей колючки. И больше не видно ничего — ни бригадного барака, ни развалин дота. Далеко вверх торчит будка,

и кто-нибудь там, наверно, сидит. А если нет? Сашук прислушивается, но ничего не слышит.

Только тогда Сашук понимает, что он наделал. Один, совсем как есть один в пустой черной степи. Нигде ни души, а между ним и бригадным баракком, где спят отец и мать, разрушенный дот и окопы со всеми своими мертвяками. Вцепившись в лестницу, Сашук тихонечко, как кутька, скулит от страха.

Лестница скрипит под тяжелыми шагами, кто-то трогает его за плечо.

— Малчик? Зачем здес? Пачиму плячишь?

— Я не плачу,— всхлипывает Сашук.

— Зачем сюда пришел? Где твоя папашка-мамашка? А? Иди к ней.

Сашук оглядывается в страшную пустоту, которая отделяет его от бригадного барака, и отчаянно мотает головой.

— В чем дело, Хаким? — кричит кто-то сверху.

— Баранчук... Малчик маленький. Плячит-плячит,— отвечает Хаким.

— Какой мальчик?

— Сам не панимаю — малчик, и все.

— Тащи сюда, разберемся.

Хаким берет Сашука на руки и несет вверх по лестнице. В лицо Сашука упирается ослепительный лучик света.

— Ты чей? Откуда?

Ослепленный светом, Сашук жмурится.

— Там,— машет он рукой,— там мамка. И рыбаки. Папка тоже там.

— А сюда зачем?

— Посмотреть.

— Нечего тут смотреть, беги к мамке!

— Не пойду,— говорит Сашук и пятится, пока не упирается в стенку будки.— Там темно. Я боюсь.

— Сюда идти не боялся? Дойдешь и обратно.

— Да, как же! — говорит Сашук.— Тогда луна светила...

— Все равно, тут посторонним не положено. Понятно?

Солдат с поперечными нашивками на погонах говорит очень сердито. Вместо ответа Сашук начинает опять всхлипывать.

— А вот плакать совсем не положено,— еще сердитее говорит солдат с нашивками.— Пришел к пограничникам и ревешь. Какой тогда из тебя солдат?

— Я же ж маленький,— всхлипывает Сашук.

— Привыкнешь маленький — и взрослый расквасишься. Отставить плакать! — командует солдат.

— Я б-больше не буду...

— И отвечать надо как положено: есть отставить плакать!

— Есть отставить! — повторяет Сашук. — Только вы меня не прогоняйте. Я ничего не буду трогать и баловаться не буду.

— Пускай сидит, а? — говорит Хаким.

— Не положено. И там мать-отец хватятся, подумают — пропал.

— Так я же не пропал! — говорит приободрившийся Сашук. — Я с вами!

— Ладно, сиди пока. Вот придешь домой, отец тебе заднее место ремнем отполирует!

— Не, — вздыхает Сашук, — он ўхи драть будет...

— Ухи — тоже доходчиво.

Будка совсем маленькая и пустая. Дверь, три оконных проема и скамейка. Ничего интересного. Солдаты стоят возле оконных проемов и смотрят. Сашук приподнимается на цыпочки, тоже заглядывает в проем, но ничего не видит. Вокруг темным-темно, только сверху подмигивают разгорающиеся звезды. Вдруг справа темнота взрывается. Дрожащий голубой столб света ударяет вверх, наклоняется — и внезапно появляются четкие, резкие, будто они совсем-совсем рядом, голубой обрыв над морем, пучки травы на нем; потом выпрыгивает из темноты далекий причал с транспортером, поголубевший бригадный барак сверкает белыми оконных стекол.

— Чего это? — тихонько спрашивает Сашук.

— Проектор.

— Он смотрит, да?

— Он светит. А смотрим мы.

Столб пронзительного дрожащего света, обшарив берег, бежит вправо, в нем начинает сверкать волновая рябь моря. Световой столб отворачивает все дальше и дальше вправо, потом вдруг исчезает, и вместо него перед глазами Сашука долго дрожит над морем черная полоса. Солдаты опускают бинокли.

— Вам тут хорошо шпионов ловить, — говорит Сашук. — С проектором. Все видно. И плавней нет. А у нас в Некрасовке такие плавни на Ялпухе, как кто спрячется — ни за что не найдешь ..

— Найдут и в плавнях.

— Разве с собакой, — сомневается Сашук. — У нас в Некрасовке

тоже вышка есть. Только там не пограничники, дедушка Тарасыч сидит. И ружье у него большое. Куды больше ваших... Он, когда в виноградник кто залезет, ка-ак бабахнет! Солью.

— А что, лезят за виноградом?

— Лезят.

— И ты?

— И я,— помолчав, говорит Сашук.

— Так ведь воровать нехорошо.

— Конечно, нехорошо,— вздыхает Сашук.— А винограда-то хочется... Ребята идут, и я с ними...

— Разве так не дают?

— Ну — так! Так неинтересно... А скоро они полезут?

— Кто?

— Шпионы.

Солдаты смеются.

— Они заранее не объявляют.

— А когда полезут, вы будете стрелять?

— Там видно будет.

— А можно, я разок стрельну?.. Ну хоть подержу немножко, а?

— Автомат не игрушка. И вот что: на посту разговаривать не полагается. Раз попал в солдаты, делай как положено. Садись сюда на скамейку и ведай наблюдение. Что надо ответить?

— Есть вести наблюдение.

— Давай действуй.

Сашук уставляется в оконный проем, но как ни старается, кроме звезд вверху и слабых отблесков их в море, ничего не видит. Смотреть в темноту скучно, и Сашук раза два клюет носом в дощатую стенку. Тогда он прислоняется к ней поудобнее, вплотную.

— Вот и порядок,— говорит над ним солдат с нашивками,— солдат спит, а служба идет...

— Я совсем и не сплю,— говорит Сашук.

Конечно, он не спит. Просто на дворе совсем-совсем темнеет. Даже звезды гаснут. И солдат не видно. Но он же слышит, как они разговаривают,— значит, не спит... Просто ему наяву начинает казаться, что он видит сон. Солдат с нашивками и Хаким ходят от окошка к окошку и выглядывают. И Сашук тоже ходит и выглядывает. Потом солдат с нашивками вдруг останавливается и говорит:

«Какой же ты солдат без оружия? На, держи!»

Он снимает с себя автомат и надевает Сашуку.

«Насовсем?» — замирает от восторга Сашук.

«Конечно, насовсем».

Сашук сжимает автомат что есть мочи. Теперь пусть только шпионы полезут! Он как даст очередь: та-та-та-та-та...

— Что такое? — говорит Хаким. — У рыбаков свет зажгли, с фонарями бегают...

— Случилось что-то... Рядовой Усманов, пойти выяснить... Слышь, Хаким, прихвати и его, нечего ему тут кунять.

И Сашуку уже кажется, что он плывет вроде как в лодке — он не двигается, а его покачивает. И потом вдруг раздается крик, его хватают на руки, и так крепко, что ему становится больно...

Он на руках у матери, а над ним склоняются Иван Данилович, Игнат и Жорка. В руках у них «летучие мыши».

— Федор! — кричит в сторону Жорка. — Не ищи. Нашелся!

— Ты что ж, поганец? — говорит Иван Данилович. — Люди после работы, а тут за тобой по ночам бегай...

— Баловство все! — бурчит Игнат. — Незачем и брать было...

Топоча сапогами, из темноты выбегает отец.

— Вот я тебе покажу! — еще издали кричит он.

— Потом, потом, Федор! — говорит Иван Данилович. — Ночь, людям спать надо... Спасибо, солдат! — говорит он Хакиму.

— Пачиму паника? — спрашивает тот.

— Поганца этого искали... Думали, утоп. Где он был?

— К вышке пришел, в пограничники хочет, — смеется Хаким.

— Отец ему пропишет пограничников.

Мать уносит Сашука домой, кладет на топчан. Сашук утыкается в подушку и горько всхлипывает. Не потому, что он боится завтрашней выволочки. Выволочка сама собой. Ему обидно, что никакого автомата у него нет, а значит, и не было, и все ему только приснилось.

ЗВЕЗДОЧЕТ

Уши у Сашука горят. Не потому только, что отец оттрепал утром за уши,— за ночь он пересердился, оттрепал не сильно, для порядка. Над Сашуком смеются рыбаки. Сегодня воскресенье, и утром они в море не пошли — отдыхают. После завтрака долго сидят за столом, разговаривают про разные разности, потом мало-помалу разбредаются. Мать и отец уходят в село Николаевку, в магазин. Идти туда далеко, и Сашука они с собой не берут. Сашук бежит с Бимсом по двору, пока оба не высовывают языки от жары и усталости. Потом они тоже идут к лавке рыбокооп, где уже давно собралась вся бригада. Лавка стоит у дороги, недалеко от бригадного барака. Дальше за ней редкой цепочкой тянутся первые хаты Балабановки. Туда Сашук не ходит. Мать не велит — раз, а потом Сашук издали видел, что там бегают большие мальчишки и собаки, и он опасается, как бы они не обидели Бимса. И его тоже...

Рыбкооповская лавка — обыкновенная хата, только что под железной крышей да перед входной дверью большое, широкое крыльцо. На нем стоят четыре стола на козлах и скамейки. Здесь нет солнца, а с моря задувает прохладный ветерок. Рыбаки сидят за столами и «дудлят», как говорит мамка, «червбнэ». Это темно-красное вино в узких бутылках. На бумажных наклейках нарисована большая рюмка. Рыбаки пьют не

из рюмок, а из мутных граненых стаканов. На столах много пустых бутылок, значит, они уже здорово «надудлились» своего «червоного» — лица стали краснее, а голоса еще громче, чем всегда. Громче всех говорит, конечно, Жорка. Недаром его зовут горластым. Он даже не говорит, а просто кричит. Рубаха у него расстегнута сверху донизу, на шее вздулись толстые жилы.

— Нет, ты скажи,— кричит он Игнату,— чем тебе спутники мешают?

Игнат не пьет. Перед ним нет ни стакана, ни бутылки, но он все-таки закусывает: сосет принесенную с собой вяленую ставридку.

— Боров! Ты ж чистый боров! — кричит Жорка. — Только то и видишь, что перед рылом, что бы сожрать можно...

— Я — хозяин,— говорит Игнат. Губы у него трясутся. — Человек самостоятельный, а не пустодом, как ты. Мне про семью думать надо.

Он аккуратно завертывает в обрывок газеты недоеденную ставридку, поднимается и уходит.

— Чего ты к нему пристаешь, Егор? — спрашивает Иван Данилович. — Зачем дразнишь?

— Не люблю жмотов. Он из-под себя все съесть готов.

— Ну и пускай. Лишь бы тебя не заставлял. И орать незачем.

— Я виноват, что у меня голос такой?

— В тебе не голос — червое в тебе кричит... Ты мне что обещал? Вон носишь у себя на грудях наглядную агитацию — посматривай на нее почаще.

Жорка трогает ворот рубахи, и тогда всем становится видна наколотая синими точками бутылка и надпись сверху: «Что нас губит». Все грохочут. Жорка вспыхивает, но сдерживается и машет рукой.

— Ладно, Данилыч, точка! Счас спать пойду... А, Боцман! — Он явно рад поговорить о другом. — Ну как, уши на месте или батька совсем оторвал? Ничего, целы, теперь шибче расти будут... Да ты не надувайся, ты лучше Расскажи, как ночью к пограничникам ходил. Не боялся?

— Не. Даже мертвяков не испугался.

— Каких мертвяков?

— Ну, фашистов. Которые в доте.

— А ты их видел?

— А то нет! Конечно, видел.

Теперь ему и в самом деле кажется, что ночью он своими глазами видел мертвых фашистов, и он хочет рассказать, какие они, но рыбаки

так начинают хохотать, что он умолкает и сползает со скамейки.

— А ну вас,— обиженно говорит он,— а еще большие... Пошли, Бимс. Через несколько шагов его догоняет Жорка.

— Ты это,— заплетающимся языком произносит он,— ты давай не сердись. Беда большая — посмеялись чуток. От этого не облиняешь... Пошли, я утром тебе подарок припас, только ты спал.

Сашук молчит. Сгоряча он даже собирается сказать, что нечего подлизываться, не нужны ему подарки, раз над ним смеются, но ему хочется узнать, что припас Жорка, и он молчит. Сказать можно и потом, если подарок окажется неинтересным.

В бригадном бараке Игнат горбится над раскрытым сундучком.

— Мильоны пересчитываешь? — кричит ему Жорка.

Игнат, не отвечая, поворачивается так, чтобы спиной закрыть сундучок. Жорка заглядывает под свою койку, озадаченно чешет за ухом.

— Ага! Я же во дворе спрятал...

В углу двора из-под вороха старых рваных сетей он достает оплетенный мелкой сеткой стеклянный шар. Шар огромный — с Сашукову голову, может, даже больше. Сашук немеет от восхищения, осторожно берет шар в руки. Он шершавый — облеплен высохшими ракушками, заскорузлая сетка прикипела к стеклу. От шара пронзительно пахнет морем и солью.

— Ну как, годится?

— Спрашиваешь!.. А это что?

— Кухтыль... Поплавок, на которых сети держатся, чтобы не утонули.

— А где?..

— Море выкинуло. А я подобрал. Еще б одну штучку найти, веревкой связать — и на таких пузырях куда хочешь плыви.

— И на глыбь?

— Говорю, куда хочешь.

Жорка уходит «храпануть», а Сашук бережно несет кухтыль под навес, укладывает на обеденный стол и рассматривает со всех сторон. Стекло толстое, зеленоватое. Оно такое сделано или стало зеленым оттого, что плавало в море?.. Может, и в середине что-нибудь есть? Но серединку рассмотреть трудно — сетка мелка и густо облеплена ракушками. Они так плотно приросли, что никак не отколупываются; ноготь сломался, а ни одна не стронулась...

В дверях хаты появляется Игнат Приходько. Он подходит, берет кухтыль, вертит его в руках.

— Бесплезная вещь. Хотя... если разрезать пополам, полумиски будут.

— Отдай,— говорит Сашук,— не надо мне полумисков, мне кухтыль нужен, я на нем плавать буду.

— Баловство,— говорит Игнат и вздыхает: — Растешь ты, как репей, некому тебя к рукам прибрать...

— Дядя Гнат,— спрашивает вдруг Сашук,— а кто это кугут?

— Ну... вроде как кулак, скупой и жадный.

— А ты вправду скупой и жадный?

— Тебя кто подучил?

— Никто не подучивал, просто Жорка говорит — ты кугут.

— Ты его поменьше слушай, дурошлепа. От него добра не наберешься. Ты к самостоятельным, хозяйственным людям приглядайся, до них примеривайся.

— Как ты?

— Как я. И другие прочие. Кто тихо живет и про завтрашний день думает. Ты еще малой, а все равно должен соображать. Вот этого горлопана возьми. Что от него? Шалтай-болтай, живет враслопырку. Ни кола ни двора, штанов лишних и то нет...

Это Сашук знает. Все Жоркино имущество помещается в обтерханном чемоданишке, у которого даже замки не запираются, клямки так и торчат кверху, и он перевязывает крышку бечевкой. Да зачем его и запирать, если он полупустой, кроме застиранных рубах да пары трусов, ничего в нем и нет? А у Игната сундучок аккуратный, прочный. Что в нем, Сашук не видел, так как сундучок всегда заперт висячим замком, а если Игнат его открывает, то обязательно поворачивается так, чтобы никто заглянуть не мог.

— Горлопан этот,— продолжает Игнат,— человек как есть бесполезный. Что заработал, почитай, все и пропил. Неизвестно, для чего и живет.

— А для чего человек должен жить?

— Для пользы! Всякая вещь и человек должны быть для пользы.

— И я?

— Ну, пока пользы от тебя, как от козла молока, только зря хлеб жуешь. Ты еще несмышлениш, вроде кутенка своего. Вот и должен с малолетства привыкать себе на пользу стараться...

Последнюю фразу Сашук уже не слушает.

— Ну и ладно,— говорит он,— ну и пускай мы бесполезные...

Он уносит кухтыль домой, закатывает под топчан и еще прикрывает сверху ветошкой, чтобы никто не увидел. А что делать дальше? Отец и мать придут не скоро, да и что от них? Мать примется стряпать обед, отец уйдет в лавку, к рыбакам. Пойти и ему в лавку? Снова поднимут на смех. Хорошо бы с Жоркой пойти купаться,— нырять, взобравшись ему на закорки, жутковато, но весело. Однако Жорка за перегородкой храпит так, что барак трясется. Не будить же...

Сашук идет к причалу. Цех заперт, транспортер неподвижен, ящики для рыбы пусты. Лодки, привязанные к причалу, раскачиваются, стучаются бортами о сваи. Хорошо бы спрыгнуть в лодку и покачаться на волнах, но Сашук боится, что до лодки ему не допрыгнуть. На узкой песчаной полосе вдоль обрыва нет ни души. Даже чайки куда-то подевались. Внезапно Сашука осеняет: вдруг море выкинуло еще один кухтыль?.. Если Жорка нашел, может, и он найдет?

Ноги вязнут в сыпучем песке, от раскаленного солнцем глинистого обрыва пышет жаром. Сашук сворачивает к урезу. Мокрый песок плотен, ноги то и дело окатывает теплая волна. Сашук старательно рассматривает все, что море вынесло на берег. Кроме бурых водорослей и всякой мелкой дряни ничего здесь нет. Было бы совсем скучно, но время от времени волна подгоняет к берегу мелких, с блюдечко, медуз, и Сашук их зафутболивает. Жорка научил его не бояться медуз и различать, какие обжигают, а какие нет.

Поравнявшись с пограничной вышкой, Сашук задирает голову и долго присматривается. Пограничников не видно. Прячутся или, может, днем их там вовсе нет?

Здесь берег изгибается, и за выступом обрыва скрывается ставший совсем маленьким причал. Сашук устает, но упрямо идет дальше: он не теряет надежды найти если не кухтыль, то хоть что-нибудь.

И он находит. На сухом песке, раскинув лапы и клешни, подставив солнцу белесый живот, лежит большой краб. Сашук видел только живых, когда они воровато, боком, пытались выбраться из вороха рыбы и удрать, а рыбаки хватали их и швыряли за борт. Этот лежит неподвижно и даже не шевелится, когда Сашук бросает в него пучок сухих водорослей. Сашук трогает его щепкой, переворачивает спиной вверх. От краба в рассыпную кидаются какие-то букашки. Сашук осторожно берет его за панцирь, окунает в воду. Но краб не оживает, не шевелит ни одной лапкой. Он здоровущий — один панцирь больше Сашуковой ладони. А клешни такие, хватит — не обрадуешься... Сашук собирается его за-

кинуть, потом передумывает. Если его как следует засушить, положить в коробочку да привезти в Некрасовку... Он осторожно кладет краба за пазуху и поворачивает обратно.

За поворотом на полпути к причалу стоит человек. Какой-то чудик. В трусах и разрисованной рубашке. На голове белый малахай с бахромой, а на носу очки с толстыми стеклами. Лицо молодое, безусое, но по щекам и под подбородком торчит короткая борода. Чудик держит в руках удилище и так внимательно смотрит на поплавок, что даже не замечает, как Сашук подходит ближе, останавливается, потом садится за его спиной. Поплавок удочки болтается на волнах, вдруг ныряет. Чудик дергает удилище, с лески срывается и шлепается в воду маленький краб.

— Ворюги, грабители, подводные гангстеры...— беззлобно произносит чудик, рассматривая пустой крючок.— Вас даже нельзя обругать подонками, поскольку это ваше естественное состояние...

Он оборачивается к консервной банке, стоящей сзади, и замечает Сашука.

— Я и не знал, что у меня появилась аудитория... Откуда ты, прелестное дитя с облупленным носом?

— Он от солнца,— объясняет Сашук и трогает пальцами шелушащийся нос.

— Несомненно, несомненно...— бормочет чудик, ковыряя пальцами в консервной банке.— Молодой человек!

— То вы меня?

— Кого же еще? Из нас двоих ты, несомненно, самый молодой. И столь же несомненно — туземец. Подводные ворюги сожрали весь мой запас. Не знаешь ли, где можно накопать червей?

— Их и копать не надо. Они везде есть.

— Как это — везде?

— А вот...

Сашук приседает на корточки и горстями отбрасывает мокрый песок с уреза. В песчаной кучке извивается несколько красных червяков с ярким золотистым отливом.

— Ого! Ты, я вижу, отлично осведомлен.

— И вот, и вот...— говорит Сашук, разгребая песок в другом месте.— Их тут прямо тыщи.

— По всем вероятностям, даже несколько больше... Спасибо за науку. Теперь мне не надо будет рыться в навозе и вообще...

— А вы чего-нибудь уже поймали?

— Хвастать особенно нечем. Одну диковину поймал, но такой ядовитой раскраски, что не уверен, будет ли ее есть даже хозяйская кошка.

Он вытаскивает кулан и показывает.

— Зеленушка,— говорит Сашук.— Кошка — будет.

— Стало быть, труды не пропали напрасно... Тогда продолжим,— говорит чудик и забрасывает удочку.— Так кто же ты и откуда взялся?

— Я не взялся, я тут живу.

— Прелестно, прелестно...— говорит чудик, снова дергает удочку, и она снова оказывается пустой.— Ну и как тут... вообще?

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Все хорошо,— не понимая, чего он добивается, говорит Сашук.

— Что ж, посмотрим, посмотрим...— бормочет чудик, занятый удочкой.

Сашук долго не решается, потом все-таки спрашивает:

— А зачем у вас борода?

— Разве так плохо?

— Не потому что. Которые с бородой, те без штанов не ходят.

— В самом деле? — говорит чудик, бросая взгляд на свои шорты.— Это я как-то не учел... А борода мне обязательно нужна. Все звездочеты носили бородки, бороды, даже бородачи. Вот и я отрастил. Для солидности, а также красоты.

— Разве вы звездочет? — недоверчиво спрашивает Сашук.

— Не совсем, но вроде... Есть такая наука — астрофизика. Слышал? Впрочем, тебе рановато... А про космос слышал?

— Космос я знаю,— говорит Сашук.— Это где Гагарин летал.

— Ну вот, Гагарин летал, так сказать, поблизости. А я изучаю предметы более отдаленные...

— Тут?

— Нет, не тут. Сюда я привез свое семейство, полоскать в море. Вон оно поджаривается там на солнце.

В отдалении под навесом из простыни кто-то лежит, но Сашук только мельком взглядывает в ту сторону. Семейство его не интересует. Он подсаживается к чудику поближе. Не каждый день встречаются живые звездочеты.

АНУСЯ

— А как вы их считаете, звезды? — спрашивает Сашук.

— Я не считаю, а изучаю. Все звезды пересчитаны и переписаны, как допризывники.

— Все до единой?

— До единой. В пределах наших возможностей, конечно.

Сашук недоверчиво смотрит на него снизу, стараясь поймать взгляд, но толстые стекла очков без оправы заслоняют глаза чудика и нельзя понять, всерьез он или понарошку. Сашук долго раздумывает, потом все-таки задает вопрос, который давно его занимает.

— А правда, у каждого человека своя звезда? Как он рождается, так и звезда загорится. А как помрет, так и звезда падает...

— Ну, это чепуха! Звезды не падают. Падает, так сказать, звездный сор, всякого рода космический мусор. Потом, звезд значительно больше, чем людей на земле, и до людей им никакого дела нет... Хотя вообще, иносказательно... В известном смысле у каждого человека есть своя звезда. Или, во всяком случае, должна быть. По идее.

— И у меня?

— И у тебя. Чем ты хуже других?

— А где? Вы мне покажете?

— Вот уж нет! Каждый сам должен найти свою звезду.

— А как?

— Как бы тебе сказать?.. Главное — не лениться. Для начала полезно, например, привыкнуть рано вставать.

— До света?

— Уж чего лучше.

— Так ведь спать хочется!

— Вот-вот! Лень, спать хочется... Другой не только свою звезду, всю жизнь готов проспять. А она, в общем-то, коротковата. К сожалению.

— А если рано встану, так сразу и увижу?

— Может, не сразу, но рано или поздно увидишь.

— А потом?

— Что — потом?

— Чего будет, когда найду?

— Ну... будешь знать, куда идти, что делать... Так, сейчас моя дорогая дочь распугает последнюю рыбу...

По кромке воды, взметая брызги, к ним бежит девочка в голубом платье и белой панаме.

— Папа, папа, много поймал? — кричит она издали, потом замечает Сашука, умолкает, переходит с бега на шаг, вышагивает чинно, почти чопорно и делает вид, что Сашука вовсе не приметила.

— Не корчи кисейную барышню, — говорит ей отец. — Видишь, даже на этом пустынном берегу для тебя нашелся Дон Жуан, — показывает он на Сашука.

— Никакой я не Дон, — отзывается тот. — Я Сашук.

— Прелестно! — отвечает бородач. — Знакомьтесь в таком разе.

Девочка дергает пальцем резинку от панамы и с любопытством рассматривает Сашука. Резинка звонко щелкает ее по подбородку. Потом она протягивает сложенную дощечкой ладошку и говорит:

— Ануся.

Сашук сидит неподвижно, искоса смотрит на ладошку, потом снова на Ануся. Она совсем не такая, она из какого-то другого мира, и он не знает, что надо делать, как держать себя с ней, и потому сидит неподвижно и только смотрит.

Девочка делает гримаску, пожимает плечами и опять начинает дергать резинку.

— Нельзя сказать, чтобы ты был очень галантен с барышнями, — говорит бородач.

Девочка смеется, короткий носик ее краснеет. Сашук не понимает,

но краснеет. Сначала он хочет сказать, что с девчонками не водится, но слова эти почему-то с языка не идут. Может, потому, что она совсем не похожа на разбитных, горластых некрасовских девчонок. Почему она такая белая? Наверно, ее без конца мылом шуруют...

Сашук не знает, что делать, и наливается краской еще больше. Потом вдруг вспоминает, лезет за пазуху и достает свою находку.

— На. Хочешь?

Ануся отступает на шаг, серо-голубые глаза ее округляются.

— Это кто? — спрашивает она.

— Краб. Бери, не бойся — он дохлый, не укусит.

— Не хочу, — говорит Ануся и прячет руки за спину. — Он плохо пахнет.

— Так что? Повоняет и перестанет.

— И крабы совсем не такие, — качает головой Ануся. — Они в банках.

— Стыдись, Анна! — говорит отец. Он не смотрит в их сторону, но, оказывается, все видит и слышит. — В банках вареные. А этот прямо из моря. Ты — как хочешь, я бы взял, ценная вещь, по-моему.

Ануся оглядывается на отца и осторожно, двумя пальчиками берет краба.

— Идите, граждане, побегайте, что ли, — говорит Анусин отец. — И вы сразу убьете двух зайцев: познакомитесь поближе и снимете с моей души камень педагогических забот...

— Про какой он камень? — спрашивает Сашук, когда они отходят.

— Не обращай внимания, — говорит Ануся. — Папа всегда немножко странно выражается.

Краб ей нравится все больше. Запах уже не отпугивает, она вертит колющее чудовище в руках, рассматривает со всех сторон. Потом так же обстоятельно начинает рассматривать Сашука.

— Ты так всегда ходишь? — показывает она на выгоревший чубчик Сашука. — И ничего?

— А чего?

— А вот мне на солнце вредно — хрупкая, — вздыхает Ануся.

— Ты ж не кисель, не растаешь.

Ануся немножко колеблется, потом решительно сдергивает панаму назад, и она повисает у нее за спиной на резинке. Ветер немедленно подхватывает и треплет ее белокурые выющиеся волосы.

— Пойдем, я маме покажу, — говорит Ануся.

Они бегут по мокрому песку. Сашук старается попасть ногой в

гребешок волны, когда она только-только заламывается, и изо всех сил разбивает его. Анусе это нравится. Она забегает вперед, чтобы опередить Сашуку, и, торжествуя, кричит, когда брызги у нее разлетаются сильнее. Сашук тоже старается. Он ловчее, брызги у него летят выше и дальше. Так они бегут наперегонки, взметая брызги и вопя от восторга, пока их не останавливает окрик:

— Что это такое?!

Из-под простыни, распяленной на палках, выглядывает женщина. Сначала женщина кажется Сашуку совершенно голой, но потом он видит, что она не совсем голая — поперек тела у нее две полосы пестрой материи, а на голове накручено полотенце. Женщина очень красивая, это Сашук видит, несмотря на то что большие темные очки закрывают ее глаза, на носу нашлапка из бумаги, лицо намазано чем-то белым, а губы такие красные, будто с них живьем содрали кожу. Но Сашук знает, что кожа не содрана, просто губы накрашены. В Некрасовке некоторые взрослые девки ходят с крашеными губами.

— Мама, мамочка! — кричит Ануся. — Посмотри, что у меня!

— Где ты взяла эту вонючую гадость? — с отвращением говорит Анусина мама, выхватывает у нее из рук краба и отшвыривает в сторону.

Краб шлепается о глинистую стенку и уже без клешней и ног падает на песок. Ануся в ужасе всплескивает руками, но мать не дает ей сказать ни слова.

— Почему ты сняла панаму? И на кого ты похожа? Как не стыдно: большая девочка, а забрызгалась хуже маленькой... Иди сейчас же сюда!.. — Она понижает голос, но Сашук отчетливо слышит: — Зачем ты привела этого грязного мальчишку? Вон у него болячки какие-то на носу... Подцепишь какую-нибудь инфекцию...

— Он совсем не грязный, — оправдывается Ануся. — И он был с папой...

Дальше Сашук не слушает. Он поворачивается, засовывает сжатые кулаки в карманы и уходит. Уши у него снова горят. От обиды. Теперь уже без всякой радости, а со злостью он разбивает вдребезги гребешки волн. Те разлетаются фонтанами брызг, но набегают все новые и новые, сколько бы он ни бил, а главное — тетке этой от того ни тепло, ни холодно... Теперь она уже не кажется ему красивой. Вымазалась, как чучело. Вот взять влезть на обрыв, отвалить глыбу — и на нее... враз бы стала чище некуда. Или взять большую медузу — да за пазуху... Ну,

не за пазуху, раз у нее пазухи нету, так за эти тряпки, что на ней накручены...

День жаркий, ветер слабый, и медуз у берега видимо-невидимо. И маленьких, с блюдечко, и широких, как тарелка, и совсем здоровенных, с бахромой, похожих на ведро. Сашук забредает в воду, хватает и тащит к берегу такое осклизлое студенистое ведро и с трудом выбрасывает на песок. Медуза разбивается, белесоватый студень ее тела истекает, оплывает водой. Сашук достает еще одну, потом еще и еще... Груда белесого студня растет, его уже вполне достаточно, чтобы обложить зловредную тетку с головы до пят, но Сашук вытаскивает на песок все новые и новые жертвы.

— Ты это зачем?

Рядом стоит Ануся, дергает резинку панамы.

— Тебе ж не велят со мной, ну и уходи,— вместо ответа говорит Сашук.

— А я хочу! — отвечает Ануся.— Ты на маму обиделся, да? Не обращай внимания. Папа говорит, у нее масса мелкобуржуазных пред-
рассудков,— совсем как взрослая, говорит Ануся.— Это, конечно, ужас-
ный недостаток. Но что поделаешь, у каждого есть свои недостатки.
У тебя ведь тоже есть?

Об этом Сашук никогда не думал. Сейчас, как ни раздумывает, никаких недостатков отыскать у себя не может и, не отвечая, продолжает таскать на берег медуз.

— А что ты с ними будешь делать?

— Уху варить, кисельных барышень кормить,— со всей язвитель-
ностью, на какую только способен, говорит Сашук, но Ануся не обращает
внимания на колкость, идет в воду, хватает маленькую медузу и тотчас
с отвращением выпускает ее из рук.

— Какая противная!

— Ага, испугалась? — торжествует Сашук.— Иди к своей мамке, нечего тут...

— Она заснула,— говорит Ануся и тянется к большой розовой, с сиреневой бахромой медузе.

— Не трожь, она стрекучая! — кричит Сашук.

Уже поздно. Ануся отдергивает обожженную руку, на лице ее испуг и страдание.

— Я ж тебе говорил! Она хуже, чем крапива, жжется. Больно?

— Печет,— шепотом отвечает Ануся.

Короткий носик ее морщится, но теперь не от смеха, а от назревающих слез. Она зажимает обожженную руку между коленками и быстро-быстро хлопает веками, прогоняя слезы.

— Ничего,— утешает ее Сашук.— Я первый раз когда, еще хуже обстрекался. Все пузо!

От этого сообщения Анусе не становится легче. Носик ее все больше морщится, по щекам ползут слезинки.

— Больно ты нежная,— говорит Сашук,— ревушка-коровушка... Ну их, этих медуз, пошли к причалу.

Боль постепенно слабеет, а возле причала Ануся забывает о ней совсем. Они ложатся животами на причал и наблюдают, как в пронизанной солнечным светом воде стоят стайки мальков, потом, испугавшись чего-то, серебряными брызгами разлетаются в разные стороны; как воровато, боком, от сваи к свае пробирается маленький краб, как прозрачные тени волн бегут и бегут по песчаному дну. Сашук рассказывает, как рыжий Жорка катал его на транспортере, Ануся восхищается и хочет тоже попробовать. Они взбираются в желоб транспортера, но он неподвижен, а идти вверх по резиновой ленте сколько и страшно. Оси валков смазывают не часто и не густо, но Ануся ухитряется подцепить ногой шлепок черного тавота, пробует снять его, но только еще хуже размазывает по всей ноге и безнадежно пачкает руки. Сначала ей просто смешно, потом она вспоминает про маму... Сашук ведет ее к рукомойнику возле барака, Ануся долго, старательно мылит руки, но обмылок стирочного мыла никак на тавот не действует, и Ануся снова расстраивается. Сашуку очень хочется ее утешить.

— Идем,— говорит он,— у меня чего есть!

У распахнутой двери Ануся останавливается: из барака несется хриплый рев.

— Кто там стонет?

— Жорка. Только он совсем не стонет, а спит.

— Страшно как! Будто его режут...

— Ха! Такого зарежешь... Он, знаешь,— округляет глаза Сашук,— он уголовник, в тюрьме сидел!

Он готов соврать про Жорку невесть что, но видит, что и так уже перестарался. Ануся испуганно озирается, готова стремглав броситься прочь, и Сашук поспешно добавляет:

— Ты не бойся, он ничего. Он мне вон чего подарил...

Сашук ныряет под топчан и достает кухтыль.

— Ой! — восхищается Ануся.— Эту вещь ты мне тоже подаришь?

— Ишь какая хитрая! Он мне самому нужен. Вот найду еще один, свяжу и буду плавать... И тебе дам поплавать. Немножко,— добавляет он после некоторого колебания.

Из-под топчана вылезает разбуженный Бимс, и Ануся забывает о кухтыле.

— Какой чудненький!

Она приседает перед щенком на корточки и начинает гладить. Бимс готовно опрокидывается на спину и подставляет свой розовый живот, но вспоминает о неотложном, ковыляет к миске с водой, долго лакает, потом чуть отходит в сторону, и из-под него растекается лужица.

— Фу, бесстыдник,— сконфуженно смеется Ануся, оглядываясь по сторонам. С самолетным гудением о стекла бьются мухи, из барака по-прежнему несется жуткий храп.— Пойдем уже на улицу, а?

— Ага, пошли в войну играть... Ты дот видела?

— Не хочу,— говорит Ануся.— Какая это игра!

— А что? Самая лучшая! — убежденно говорит Сашук.— Ну да, ты ж девчонка,— вспоминает он.

— И совсем не потому что! Не люблю, когда убивают... Мамин папа был полковником. И его на войне убили.

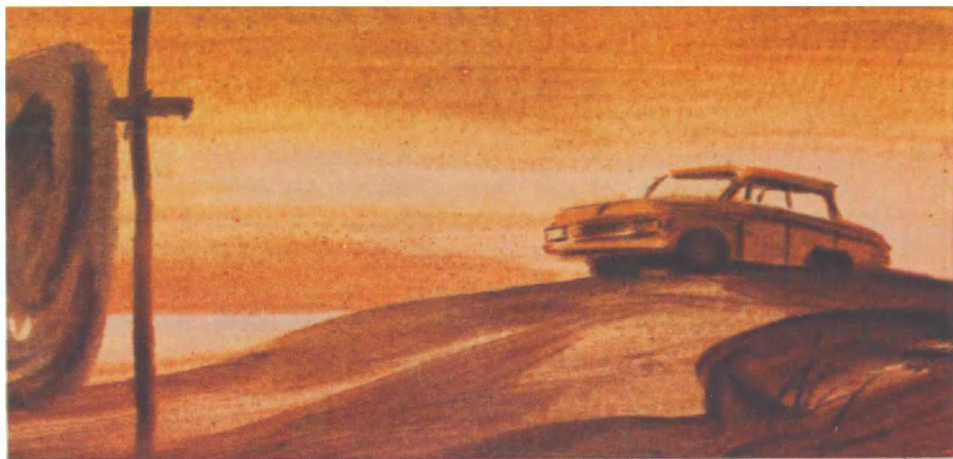
— Мы ж будем понарошку!

— Все равно не хочу!

— Ладно,— говорит Сашук,— пойдем так посмотрим.

Он убежден, что, стоит Анусе увидеть окопы, развалины дота, она забудет обо всем и захочет играть в войну.

Однако, как только они выходят за ограду, Сашук сам забывает о доте и напрямик, не разбирая дороги, бежит к откосу, по которому спускаются на пляж. Там стоит бог...

ОРАНЖЕВЫЙ БОГ

В бога Сашук не верит. Бабка умерла полгода назад, поэтому отец и мать и взяли его с собой в Балабановку. Когда бабка была жива, она рассказывала Сашуку о боге и учила молиться. Потихоньку от отца она даже сводила его в церковь и показала бога на картинке. Бог был ужасно заросший, сидел на кучах ваты и держал руки вверх, будто сдавался в плен. Он оказался вредным и злопамятным: за всеми втихаря, исподтишка шпионил, а потом наказывал. Бабка то и дело грозилась, что бог накажет, а если случалось плохое, говорила, что вот «бог и наказал»... Сашуку попадало на каждом шагу от отца, матери, от самой бабки, и ему совсем был ни к чему еще какой-то зловередный старик, который наказывает за всякую ерунду. Сашук пытался поймать бога на горячем, когда он шпионит: прикрыв за собой дверь, внезапно распахивал ее снова, но за дверью никого не оказывалось. Он лазил в подполье и на чердак. В подполье было сыро и лежала одна картошка, а на чердаке, кроме пыли, кукурузной шелухи и пауков, ничего не оказалось. Он рассказал бабке, что искал и не нашел бога. Она обозвала его дурачком и сказала, что бог — не гриб, на месте не сидит, а всюду витает.

— Как это — витает?

— Летает, стало быть.

— На реактивном или на спутнике?

Бабка почему-то рассердилась и хлестнула его лестовкой, но потом сказала, чтобы он про всякую дурость не думал, — бог везде, только его никто не видит. Сашук подумал, что это какая-то липа, но промолчал, чтобы бабка снова не огрела лестовкой. Как же бога тогда нарисовали, если его никто не видел? Другое дело — дядя Семен. Про него говорят, что он водит машину, как бог... Это понятно, его все знают и видят. Хотя дядя Семен на бога никак не похож: бреется почти каждое воскресенье, никого не наказывает и даже мальчишек не очень шугает, когда они липнут к его «газону».

Бабка еще говорила, что бог всемогущий и творит разные чудеса. Только все чудеса он сделал почему-то раньше, когда-то, а потом разучился, что ли, или перешел на пенсию и ничего такого больше не делает. Так какой от него толк? Еще больше Сашук разуверился, когда спросил, чего бог ест, а бабка снова рассердилась, дала ему подзатыльник и сказала, что бог — дух, есть ему не надо. Тогда Сашуку окончательно стало ясно, что все это чепуха. Дух — значит воздух. А воздуха нечего бояться. Вон когда у дяди Семена скат спустит, воздух пошипит, и все... Нет, бабкин бог был просто сказкой, только в отличие от настоящих сказок, которые интересные, бабкина сказка была неинтересной. Поэтому, когда бабка заставляла его молиться, он рассеянно мотал рукой между животом и подбородком, а все бабкины рассказы пропускал мимо ушей. Вот если бы она рассказывала про машины...

Машин Сашук знает много: «газоны», «пазы», «ЗИЛы»... У председателя колхоза в Некрасовке есть «Победа». Правда, она такая облезлая, такая мятая-перемятая, чиненая-перечиненая, так тарахтит и дребезжит на ходу, что сам председатель называет ее «утиль-автомобиль». По глубокому убеждению Сашука, она все-таки очень красивая. Однако то, что он видит сейчас, даже не автомобиль, а чудо...

Сашук о том не подозревает, но он язычник. Втайне он уверен, что мертвого ничего нет, все вокруг живое. Не только люди, звери, птицы. И дерево, и камень, и палка, и любая машина... Они только хитрят, притворяются неживыми, а на самом деле все видят, чувствуют и, когда хотят, делают все по собственной воле, а не по желанию человека. Они даже разговаривают между собой, только так, что люди их не слышат или не понимают. И в душе Сашука все время живет ожидание чуда: вот-вот случится сейчас такое, чего еще никогда не было, никто не видел и не слышал...

И вот чудо произошло. Оно стоит перед Сашуком — оранжевое,

неописуемо прекрасное чудо на четырех колесах, окованное стеклом, никелем и хромом. Кузов его пылает, огромные глазищи-фары не сводят с Сашука стеклянного взгляда, маленькие глазки-подфарники следят за каждым его движением, а сверкающая пасть радиатора и бампера скалит огромные торчащие клыки. Это вовсе даже не машина, это сам машинный бог, только не из скучной бабкиной сказки, а настоящий — из стекла, резины и стали, которого можно не только видеть, но и потрогать рукой...

Медленно, как замороженный, Сашук обходит машину вокруг и снова останавливается перед радиатором. От нее нельзя оторвать глаз. Даже сквозь пыль видно, какая она гладенькая, рука скользит по кузову, как по маслу... А в бамперы и колпаки на колесах можно смотреться как в зеркало. Правда, вместо лица там видна смешная сплюснутая рожица, но все равно они сверкают куда ярче, чем зеркало дома, не говоря уж о растрескавшемся мутном обломке, перед которым бредутся рыбаки...

— Что ты все смотришь и смотришь? — говорит Ануся. — Пошли уже.

— А, подожди! — отмахивается Сашук. — Как ты не понимаешь? Это же «Волга»!

«Волги» он никогда не видел, но ребята говорили, что она — всем машинам машина.

— А вот и не «Волга», — отвечает Ануся. — Это наш «Москвич».

— Врешь!

— Зачем мне врать? И вообще я никогда не вру, — с опозданием обижается Ануся.

— Совсем ваш? Собственный?

— Ну да, мы на нем приехали. Папа с мамой уже третий год ездят. Только раньше меня не брали, я с бабушкой оставалась, а теперь взяли.

— И прямо из дому сюда?

— А что особенного? Мама хотела на курорт, а папа сказал, что курорты ему опротивели, лучше ехать дикарями на лоно природы. Вот мы и приехали. Только маме здесь не нравится. Нет удобств, и вообще...

Сашука это уже не интересует. Он заново присматривается к Анусе. Она осталась такой же, но что-то в ней как бы и переменилось после того, как Сашук узнал, что она приехала на этой самой машине. И машина словно бы чуточку стала иной — и та же, и вроде бы чуточку другая. Такая же великолепная, но уже не такая недосыгаемая, как за минуту перед этим. Сашук снова обходит ее кругом, заглядывает в зеркальные стекла, трогает все ручки, задние фонарики, фары, узорчатый радиатор.

— Пойдем же,— говорит Ануся, которой все это давно наскучило.

— Обожди... Знаешь, сначала что? Давай, пока никто не видит, залезем в середку и посидим. Немножко.

— А как мы залезем, если она закрыта?

Сашук сокрушенно вздыхает. Но все равно оторваться от машины он не может и ходит вокруг нее, как на прочнейшей, хотя и невидимой корде.

— Тогда знаешь что? Давай ее почистим!

Тонкий слой желтоватой пыли приглушает оранжевое пламя эмали, гасит сверкание хрома, а Сашуку хочется увидеть четырехколесное чудо во всем великолепии. Стирать пыль нечем — вокруг не только тряпки или бумаги, нет даже пучка мягкой травы, одна жесткая верблюжья колючка. Недолго думая Сашук выдергивает подол рубашки из штанов, становится на колени перед колесом и принимается очищать колпак. Рубашка коротка, ему приходится все время ерзать на коленях, но зато колпак вспыхивает режущим глаза блеском. Анусе становится завидно. Она опускается на коленки у другого колеса и тоже принимается протирать подолом колпак. Оба стараются вовсю, чтобы перещеголять друг друга, больше ничего не видят и не слышат.

— А вот за это — по шее! — раздается над ними сердитый возглас.

Рядом с Сашуком стоят худые волосатые ноги. Над ними шорты, разрисованная рубашка, борода и сверкающие льдом толстые стекла очков.

— Она же ж грязная,— мямлит Сашук.— Мы хотели...

— Ах, вы хотели? — говорит Звездочет, и висящая на кукане зеленушка делает все более широкие размахи.— Вы предполагали, намеревались и собирались? А кто наследил по машине своей пятерней?

Только теперь Сашук видит, что всюду, где он прикасался к машине, остались отчетливые пятна, полосы и веера растопыренных ладошек. Ответить Сашуку нечего, и он только сокрушенно и пристыженно шмыгает носом.

— Заруби на своем и без того покалеченном носу,— говорит Звездочет, и уже опять нельзя понять, говорит он серьезно или смеется,— машина не кошка — гладить ее незачем, пыль не стирают, а только смывают... А ты, Анна,— поворачивается он к дочери,— смотри: вон идет мать, и сейчас будет грандиозный бенц. Она в панике из-за твоего бегства, а когда увидит, как ты разукрасилась...

Еще недавно голубое платье Ануси стало бурым от пыли, и чего

только на нем нет: и рыба чешуя, налипшая еще на причале, и мыльные потеки, которые стали просто грязными потеками, и даже черные пятна тавота. Ануся отряхивает подол,— платье от этого не становится чище. А мама Ануси быстро, размашисто шагает к машине. Она уже одета, в красно-коричневом платье, которое все блестит и переливается, будто лакированное, полотенце уже не обмотано вокруг головы, а висит на руке, и теперь видно, что у нее такие же вьющиеся белокурые волосы, как у Ануси. На носу нет бумажной наклепки, с лица стерта белая намазка, и лицо это еще красивее, чем прежде, но такое гневное, что Сашук независимо, однако и без промедления уходит за машину, туда, где Звездочет открывает ключом переднюю дверцу. Тот достает парусиновые штаны и натягивает, потом распахивает все четыре дверцы, чтобы проветрить: машина раскалилась на солнце, из нее пышет, как из только что истопленной печи. И в это время раздражается предсказанный «бенц».

— Ануся, почему ты убежала? — еще издали говорит мать.— Я ведь запретила тебе уходить... Боже мой, на кого ты похожа?! — кричит она.— Ты нарочно, назло? Или опять собирала всякую дрянь с тем грязным мальчишкой?!

— Мамочка, при чем тут он? Он же меня не пачкал, я сама...

Звездочет издает странный звук — не то фыркает, не то хрюкает,— и Сашуку кажется, что он ему подмигивает, но не уверен в этом, толстые стекла очков мешают рассмотреть.

— Ты еще его оправдываешь? Не смей к нему подходить! Слышишь?.. Пусть он только попадется мне на глаза!..

В этот момент она обходит багажник, и Сашук попадает ей на глаза.

— Ах, ты здесь? А ну, убирайся отсюда! Немедленно! И чтоб я тебя больше не видела!..

— Люда! — вполголоса говорит Звездочет.— Нельзя же так. Как тебе не стыдно!

— Нисколько не стыдно. Если ты не хочешь думать о своем ребенке...

— Но ведь он тоже ребенок.

— Какое мне дело до чужих сопливых детенышей! У меня и так голова кругом идет...

Сашук поворачивается и, вобрав голову в плечи, уходит. Уши у него горят, глаза щиплет, и в горячую бархатную пыль под ногами даже падает несколько капель. Ух, до чего злющая тетка! И как он ее ненавидит... Чего она к нему придирается? Ануся сама к нему

прибежала. Разве он ее звал? Пусть теперь только попробует подойти, он так шуганет... И сам ни за что не подойдет. Нужны они ему...

Несмотря на всю горечь незаслуженной обиды, уйти совсем, окончательно, он не может. Хоть издали, хоть краешком глаза он должен посмотреть, как тронется с места, поедет оранжевое чудо. Что она ему, запретит? Степь не ее, кто хочет, тот и ходит... Отойдя в сторонку, Сашук садится на землю и делает вид, что расковыривает ход в подземное жилище мурашей, а на самом деле искоса наблюдает происходящее у машины. Злющая тетка снимает с Ануси платье, вытряхивает и надевает снова. И все время что-то говорит. Что говорит, понятно и так: ругается и наговаривает на него, на Сашука. А Звездочет долго стоит, опустив голову и поглаживая бороду, потом решительно поворачивается и... идет к Сашуку. Сашук вскакивает. На всякий случай. Чтобы сразу дать деру, если что...

— Рассердился? — спрашивает Звездочет, подойдя.

— А чего она придирается?

— Обидно, я понимаю,— раздумчиво говорит Звездочет, дергая свою бороду.— Что ж, хотя это абсолютно непедagogично, могу только повторить совет Чапая.— Сашук, не понимая, смотрит на него снизу вверх.— Насколько я помню, он рекомендовал наплевать и забыть... Теперь пошли со мной.

— Зачем?

— Звездочеты не только знают звезды, они умеют предсказывать и угадывать чужие желания. Твое я уже угадал.

— А вот и нет!

— Вот и да! Смотри на меня! — строго говорит он и, указывая на Сашука пальцем, торжественно произносит: — Ты хочешь проехаться на машине!

Глаза и рот Сашука так распахиваются, что Звездочет снова издает странный звук — не то хрюкает, не то фыркает,— поворачивается и идет к машине. Не веря, сомневаясь и пламенно надеясь, Сашук вподбежку спешит следом.

Жена Звездочета встречает их колючим взглядом.

— Зачем ты его привел? Что ты собираешься делать?

— Восстановить справедливость. В таком возрасте нельзя терять в нее веру.

Жена закусывает нижнюю губу, сажает Анусю на заднее сиденье, садится сама и со страшным стуком захлопывает дверцу.

— Вот так,— говорит Звездочет,— а спереди будет сидеть избранное мужское общество. Прошу!

Он распахивает перед Сашуком правую дверцу, ждет, пока тот взберется на сиденье, и захлопывает. Внутри так чисто и красиво, так блестят разные штучки и ручки, такая диковинная собачка болтается на резинке перед ветровым стеклом, а сзади так зловеще молчит Анусина мама и Сашук так всей спиной и затылком чувствует ее колючий взгляд, что он не только ничего не трогает, но боится пошевелиться и с трудом, прерывисто переводит дыхание.

— Ну как, нравится? — спрашивает Звездочет, садясь за баранку.

От полноты чувств Сашук не может выговорить ни слова и только быстро-быстро кивает.

— Что же надо делать, чтобы поехать?

— Погудеть! — шепотом подсказывает Сашук.

— Погудеть? Да, в самом деле, какая же езда без гудения? Давай гуди.

Сашук тянется к большой черной кнопке на торце рулевой колонки, нажимает, но гудка нет.

— Дудки,— говорит Звездочет.— Гудок у меня заколдованный, настоящий звездочетский...— Глаза Сашука вспыхивают восторгом.— Сейчас мы его расколдуем. «Эн, де, труа, бешамель де валуа...» Теперь нажми эту дужку.

Сашук осторожно трогает хромированный прут под баранкой — и над степью разносится гудок. Он зычен и звонок и так же не похож на хрипкое криканье «газона» дяди Семена, как сам выдавший виды облезлый «газон» на оранжевого щеголя.

— Папа, пап! Я тоже хочу! — кричит Ануся, вскакивает ногами на сиденье, переваливается через плечо отца и тянется к дужке сигнала. Звонкий голос «Москвича» раскатывается над обрывом, падает вниз, чайки шарахаются от него в море.

— Хватит, граждане,— говорит Звездочет.— Надо совесть иметь, а то сейчас обратно заколдую, и машина никуда не пойдет.

Сашук отдергивает руку, Анусю мать сердито стаскивает и сажает на место. Звездочет поворачивает ключик, внизу что-то рычит и сейчас же смолкает.

— Поломалась? — встревоженно спрашивает Сашук, но тут же сам видит, что ничего не поломалось и они уже не стоят, а едут, а даже не едут, а плывут — так плавно и мягко трогает машина с места.

- Газанем? — спрашивает Звездочет.
- Ага! — радостно кивает Сашук.
- Ну, держись, увезу тебя сейчас на край света...
- Ага! — ликуя, кивает Сашук.

Он согласен на все, лишь бы ехать и ехать в этой волшебной машине. Она мягко раскачивается на ухабах, волочит за собой длиннющий хвост пыли и мчится так, что воздух ревет, врываясь в окна.

Счастье никогда не бывает долгим. Обогнув по задам четыре усадьбы, «Москвич» въезжает в улицу, поворачивает и останавливается возле ворот пятой хаты. Пыль, которая раньше никак не могла догнать машину, теперь набрасывается на нее и окутывает густым желтым облаком. Серdito отплевываясь, жена Звездочета выскакивает из машины и утаскивает за собой Анусю. Сашук вопросительно смотрит на Звездочета.

- Слезай, приехали,— говорит тот.— Путешествие окончено.

Сашука пронзает горькое разочарование. Он вылезает из машины, отходит в сторонку, но как только Звездочет разворачивает автомобиль и въезжает во двор, Сашук припадает к редкому штакетнику, опоясывающему двор. Звездочет открывает капот, долго там копается, потом закрывает капот, все дверцы и, наконец, замечает прижатое к штакетнику лицо Сашука.

- Ты собираешься стоять здесь всю ночь?

Сашук молчит.

- Лети домой, а то тебе тоже бенз устроят.

Сашук отрывается от штакетника, но тотчас опять припадает к нему.

- Ладно, я к вам еще приду? — с надеждой спрашивает он.

— Валяй,— соглашается Звездочет, и теперь даже сквозь толстые стекла очков Сашук отчетливо видит, что левый глаз его подмигивает.

Блаженная улыбка снова растягивает лицо Сашука, и он припускает домой, к бригадному бараку.

ПИЩА НАША

Соскучившийся Бимс бросается ему навстречу, но Сашуку не до него. Первым делом он бежит в барак к зеркалу. Оно всегда стоит на подоконнике: возле окна рыбаки бреются. Зеркало треснутое, мутное и изрядно засиженное мухами. Сашук плюет на него, протирает рукавом. Оно ничуть не светлеет, но все равно видно, что с носом плохо. Две дырочки, обращенные к небу, над ними кожа, красная и лоснящаяся, как нарыв, а вокруг — остатки старой, облупыши. Сашук скovyривает их ногтем, но под ними такая же воспаленная, багровая кожа.

— Ты чего нос себе обдираешь? — спрашивает Иван Данилович.

Рыбаки почти все в бараке: кто отсыпается после «червоного», кто просто так лежит, отдыхает перед обедом и вечерним выходом в море. Жорка уже выспался и лежит, заложив руки под голову, а ноги задрав на спинку койки. Он тоже наблюдает за Сашуком и тут же встречается.

— Так он же, — кричит Жорка на весь барак, — он же крадю себе нашел! Я видел, как они до машины побежали. Там такая фуфуря — антик марэ с мармеладом! И где только выискал? Вот теперь форс и наводит...

Рыбаки смеются, а Сашук вспыхивает и, сжав кулаки, оборачивается. А он-то еще собирался рассказать Жорке про машину, про все...

— Как не стыдно! — кричит Сашук. — Как не бессовестно!

— Да ты не серчай, не отобью. Только гляди на свадьбу позови! — хохочет Жорка.

Рыбаки смотрят на яростно взъерошенного, пылающего Сашука и тоже грохочут.

— Жеребцы стоялые,— говорит Иван Данилович,— нашли над кем...

Ненавидя их всех, Сашук выбегает из барака. Бимс кидается ему под ноги. Сашук пинает его, тот жалобно скулит, и Сашуку становится стыдно и жалко. Он нагибается и гладит его.

— Ладно,— говорит он,— не сердись, я нечаянно, со злости...

Шенок зла не помнит. Он тут же начинает ластиться, лизать Сашукову руку. Сашук тормозит его и мало-помалу отходит.

Мать уже вернулась и возится у плиты под навесом, готовит обед. Сашук бежит к ней.

— Мам, дай мне другую рубашку.

— Чего ради?

— Эта уже грязная.

— Поменьше в грязи гваздайся. Вчера только надел. И с чего ты чистюля такой стал?

— Да ну, мамк...— начинает канючить Сашук, но мать отмахивается.

— Не приставай, без тебя тошно.

Похоже, что ей на самом деле тошно: ходит с трудом, полусогнувшись, лицо бледное, под глазами темные круги, а на висках выступили капельки пота. Сашук направляется к рукомойнику и долго, старательно моет руки, даже трет их песком. Руки светлеют, но самую малость, а пальцы так и остаются с обгрызенными ногтями и заусеницами.

За обедом Сашук смотрит в свою миску и ни с кем не разговаривает. Принципиально. Раз они такие.

Рыбаки идут на причал. Мать, тяжело вздыхая, то и дело приостанавливаясь, моет посуду, потом уходит в барак и ложится. Сашук идет на берег, втайне надеясь, что Звездочет снова привезет свое семейство купаться. Больших медуз в воде уже нет, они снова ушли на глубину, в свою бездну, из которой приплыли к берегу погреться на солнце. У берега болтаются лишь маленькие, как блюдечки, да и те постепенно исчезают. Солнце скрывается за излучиной обрыва. Звездочет не приезжает и уже, должно быть, не приедет. Сашук бредет домой.

Мать лежит в боковушке и тихонько стонет. От этого Сашуку становится скучно и не по себе. Он идет во двор, усаживается за

длинный, на козлах, обеденный стол под навесом и смотрит, как постепенно догорает, гаснет закатное зарево. Сизая дымка густеет, наливается синевой, потом сразу становится непроглядно-черной. На не видной отсюда окраине Балабановки взлаивает пес, ему отвечают другие. Некоторое время они перебрехиваются, будто ведут переключку перед ночным дежурством, и замолкают. С моря не доносится ни единого всплеска. Легкий бриз, который весь день дул с моря, затих, а береговой еще не поднялся, и Сашука обступает глухая, плотная тишина. Сидеть в темной тишине жутко, но Сашук оглядывается назад. Распахнутая дверь барака, где лежит мать,— в трех шагах, а босая нога ощущает короткую теплую шерсть Бимса, свернувшегося под скамейкой. «И вообще чего бояться? — уговаривает себя Сашук.— Если бояться, так никогда и не найдешь...» Правда, Звездочет не сказал, как ее искать, но уж он как-нибудь найдет. Если она его, так она ему сама даст знак: подмигнет или еще как... Звезды одна за другой уже проклевываются в черном небе, но такие дрожащие и слабенькие, что ни одна из них не может быть его звездой. Сашук облакачивается на стол, опирается скулой о кулак...

— Ты чего здесь куняешь?

Шершавая, как наждак, ладонь Ивана Даниловича запрокидывает лоб Сашука. В бараке горит свет, слышны голоса вернувшихся рыбаков. Сашук сначала не хочет отвечать, но вспоминает, что Иван Данилович никогда над ним не смеется, сильнее всех и больше всех знает. Может, он и про это знает?

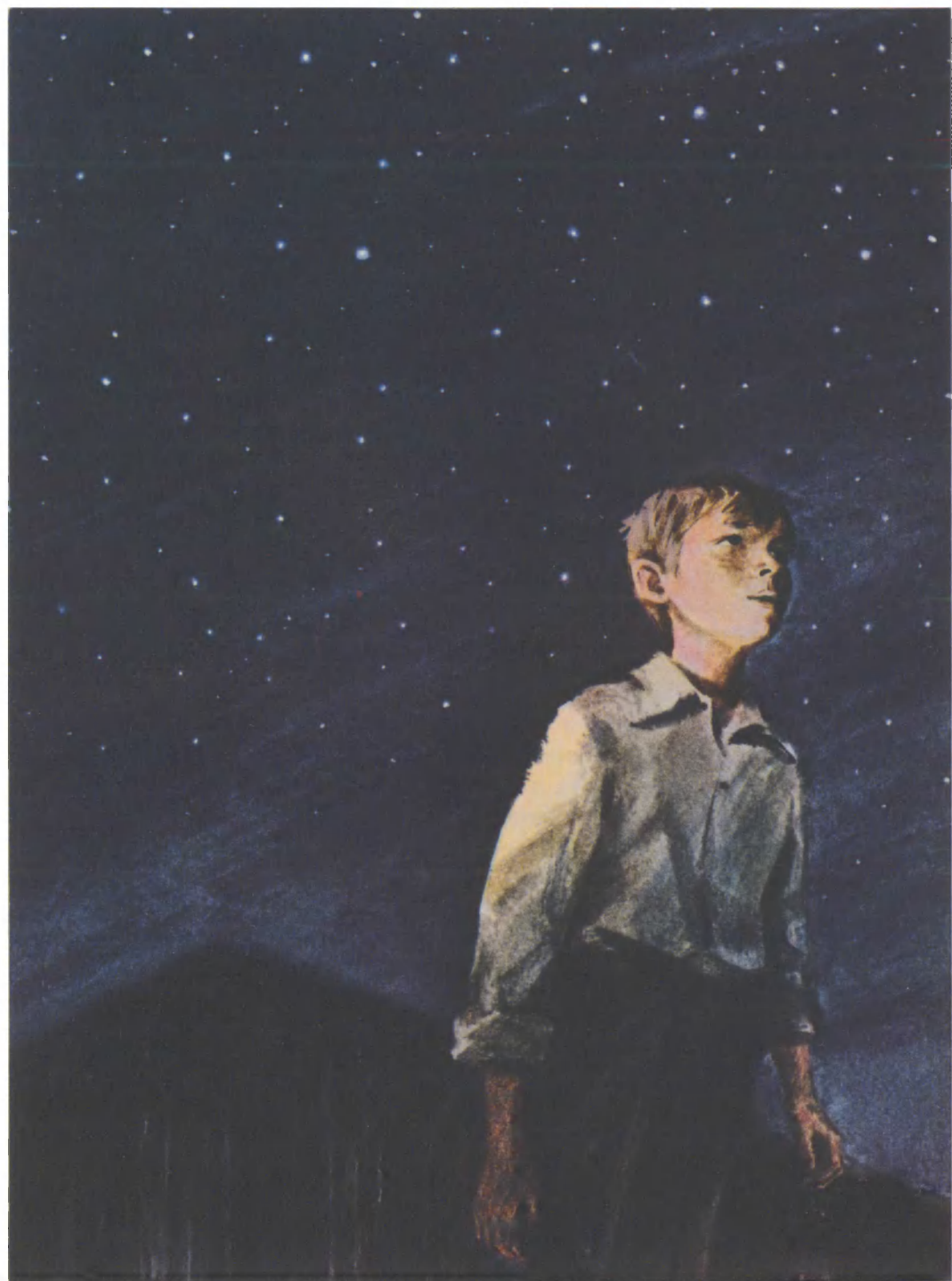
— Я звезду ищу. Дяденька... ну, который на машине, на красной, сказал, что у каждого должна быть звезда.

— Вон оно что!.. Ладно, пойдем, я тебе покажу.

Они выходят из-под навеса, заслоняющего звезды.

— Большую Медведицу знаешь? Тогда смотри за моим пальцем... Вон семь звезд. Получается вроде ковш или кастрюли с ручкой. А теперь через эти две звезды смотри вверх... Там тоже кастрюля, только поменьше и ручкой в другую сторону. На конце той ручки — звезда. Видишь? Полярная называется. Для нашего брата — наиглавнейшая звезда. Она всегда север показывает. Как моряки или рыбаки без компаса заблудятся — ни берега, ничего не видать, — найдут эту звезду и по ней прямехонько домой...

— Не! — подумав, отвечает Сашук.— Это всехняя. А он сказал, у каждого своя.

— Тогда ищи сам. Только другим разом, а теперь спать беги, тебе уже третий сон видеть пора...

Мать не спит, блестящие глаза ее смотрят куда-то в угол, под потолок. Отец растерянно мыкается по боковушке и приговаривает:

— Взвара бы. Или киселя холодненького. Может, и обошлось бы, полегчало... А завтра что ж будет?

— Как-нибудь отлежусь,— тихонько отвечает мать.— Ты спи, устал ведь...

Сашук ложится на свой жесткий топчан и думает, что взвара бы — хорошо, и ему бы перепало. Когда он хворал, бабка варила взвар только для него. Но тогда — он хорошо это помнит — ему даже не хотелось. А когда он поправился и ему захотелось, никакого взвара уже не варили и не давали. Почему это вкусные вещи дают только больным, когда они им вовсе ни к чему, а здоровым очень даже к чему, но им не дают?.. Додумать эту важную мысль Сашук не успевает — веки склеиваются, а мысли разбегаются в разные стороны, как рассыпанный горох.

Когда Сашук просыпается, в бараке тихо. Значит, рыбаки ушли, а он снова проспал. Но тут же видит, что мать лежит, стало быть, не так уж поздно. Тихонько, чтобы не разбудить мать, он выскальзывает во двор. Солнце еще только-только поднялось над морем, и, если прищуриться, на него даже можно смотреть. Сашук щурит по очереди то один глаз, то другой и смотрит на солнце до тех пор, пока глаза не начинают резать, а голова кружиться. Потом вспоминает все вчерашнее, бежит со двора, но спохватывается и возвращается к рукомойнику. Он плещет с ладошек на лицо, даже зачем-то смачивает белобрысый свой чубчик. Идти за полотенцем некогда, и утирается Сашук уже на бегу, рукавом.

Оранжевый «Москвич» стоит за штакетником на прежнем месте. Окна в хате распахнуты настежь, но никого не видно и не слышно. Спят. Улица, на которой хаты стоят только в один ряд, пуста, нет даже ни мальчишек, ни собак. А эти же еще хуже, городские, наверно, спать будут долго. Все-таки Сашук не уходит. Он бродит по канаве, тянущейся вдоль дороги, только там ничего интересного нет — окаменелая грязь, бурьян да совсем бросовый хлам. Солнце припекает, в животе Сашук явственно ощущает пустоту, а там все спят и спят. Он бросает прощальный взгляд на «Москвича» и уходит. К его удивлению, мать еще не встала.

— Мамк, я есть хочу,— говорит Сашук, подходя к койке.

Оказывается, она совсем не спит. Блестящие глаза ее смотрят все в тот же угол под потолком, круги под глазами еще больше, а лицо синевато-бледное. Она шевелит запекшимися губами, но отзывается не сразу.

— Ключ возьми... под подушкой. В кладовке хлеба отрежь... Не порежься смотри...

— Что я, маленький?

— Только, сынок, там сало лежит — не трогай... Оно артельское, нельзя. Если хочешь, капустки возьми, в кадушке...

Сашук шарит у нее под подушкой, достает ключ. Кладовка во дворе, наполовину врытая в землю, там сумрачно и прохладно. Прижав к животу хлебный кирпич, Сашук срезает себе горбушку. Подумав, отрезает еще ломоть — про запас и для Бимса. На ящике, прикрытое холщовой тряпкой, лежит сало. Его много. Три толстых белых пласта, рассеченных на четыре части, поблескивают крупной солью. Сало Сашук любит, но ест его не часто. Он оглядывается на открытую дверь кладовки и раздумывает. Никто же не увидит... Потом глотает слюну и решительно прикрывает сало тряпкой. Капуста старая, воняет бочкой — прямо с души воротит. Сашук посыпает свою горбушку крупной солью, запирает кладовку и бежит обратно к матери. Бимс юлит, виляет бубликом-хвостом. Получив ломоть хлеба, укладывается и тоже принимается жадно есть. Мать переводит взгляд на громко тикающие ходики.

— Господи, скоро шесть... — и пробует приподняться, но обессиленно опускает голову на подушку. — Сынок, а сынок, — немного передохнув, говорит она, — рыбаки скоро с моря придут...

Сашук перестает болтать ногами, но продолжает уплетать горбушку.

— А я вот слегла... Есть-то им будет нечего... — Сашук перестает жевать и, зажав ладошки между коленками, ждет, что она скажет дальше. — Может, ты расстараешься?

— Так а я чего? Я не умею.

— Хоть как-нибудь.

— Да ну, мамк, не хочу я! И некогда мне, пускай сами...

— Ты погоди, ты подумай... Ушли они до света, а придут часов в восемь... Они ж не катаются, а работают. Тяжко работают, сынок... Ты весла ихние видел?

Сашук кивает. Весла здоровущие. Он как-то попробовал припод-

нять — и пошевелить не смог. Как бревно. Не зря на одном весле по два человека сидят.

— Ты подумай-ка сам: пять часов таким веслом помахать!

— Я бы взял и бросил.

— Глупый ты еще... И они, чай, не от радости — на жизнь зарабатывать надо... Ты вон только побегаешь и то есть хочешь. А им какво? Небось все руки-ноги ломит...

Сашук пытается представить, как это ломит руки-ноги, и не может. Но он знает, что рыбаки всегда приходят голодные-преголодные. Едят быстро и молча. А потом сразу ложатся отдыхать. Очень устали потому что. А тут они придут, а есть нечего, надо варить и ждать. Они будут сердиться и ругаться, и даже сам Иван Данилыч...

— Ладно,— говорит Сашук,— только ты говори чего...

— Вот и хорошо, вот и ладненько...— говорит мать, и губы у нее почему-то дрожат.— Хоть кондер сварим. Я тебе все по порядку... Ты перво-наперво плиту почисти, кочережкой...

Через полминуты под навесом начинается извержение вулкана,— зола и пепел столбом поднимаются над плитой, усыпают все подступы к ней. Сашук чихает, кашляет, но орудует кочережкой, пока колосники и поддувало не становятся чистыми.

— Дальше чего? — прибегает он к матери.

— Господи, измазался-то, как чертушка! — скосив на него глаза, говорит мать.— Ладно уж... Натаскай воды в котел, ладошки две не до краев... Потом чайник... И разожги.

Хорошо хоть железная цистерна с водой близко. Сашук таскает воду котелком и старательно прикладывает к краю ладошки. На растрескавшейся эмали котла остаются сажевые следы, зато мера точная, тютельница в тютельку — две ладошки. Разжечь плиту — дело плевое. Сашук не раз с ребятами жег костры и в плавнях, и на огородах. Пламя в плите начинает реветь. Потом Сашук приносит из подвала два котелка пшена, отрезает четвертушку сала. Он режет сало на мелкие кусочки, а Бимс, уловив волнующий запах, вьется под ногами и скулит.

— Не подлизывайся! — строго говорит Сашук.— Сказано тебе — нельзя! Артельское...

Все-таки он не выдерживает: отрезает маленький кусок шкурки и дает щенку. И себе отрезает такой же, кладет за щеку и сосет. Шкурка вкусная, ее можно сосать долго, но Бимс, не жуя, заглатывает свой кусок и так царапает Сашуковы ноги острыми когтями, так умильно загля-

дывает ему в лицо, что Сашук вынимает шкурку изо рта и отдает щенку.

Кондер закипает, и оказывается, что самое трудное — мешать. Большая деревянная ложка почти целиком уходит в котел, а кондер густеет и его все труднее размешивать. Сашук доливает воды, но он снова густеет, надувается пузырями, пахнет паром и целыми шлепками кипящей крупы. Уже немало таких шлепков попало на плиту, они горят и воняют. А потом такой шлепок попадает ему на запястье, он бросает ложку и с ревом бежит к матери.

— Опарился? Ничего, ничего... Ты послунь и солью посыпь. Оно и отойдет, не так печь будет...

Сашук посыпает, соль грубой коркой присыхает на ожоге, и через некоторое время и в самом деле становится легче.

Тем временем к причалу подходят лодки. Сашук бежит туда и, забыв об ожоге, обо всех неприятностях, горделиво кричит:

— Пап, дяденька Иван Данилыч! А я кондер сварил! Сам-один!

— А мать чего ж?

— Так она хвора! — радостно сообщает Сашук. — Вот я и варил...

Иван Данилович и отец переглядываются, отец вспрыгивает на причал и быстро идет к барaku. А Сашук обижается — никто не радуется и не удивляется тому, что он сам-один сварил кондер.

Рыбы мало, ее быстро разгружают, транспортер уносит ее в цех, и рыбаки идут домой. Надутый, обиженный Сашук бежит следом за бригадиром. Тот прежде всего идет в боковушку к матери. Та с трудом поворачивает к нему голову.

— Вы уж не серчайте, Иван Данилыч, не смогла я, совсем заслабла...

— Ничего, с голоду не помрем. Поправляйся давай, — говорит Иван Данилович, кивает отцу Сашука, и они выходят во двор. — Табак дело, Федор, надо Настю к доктору.

— Где ж его взять?

— В Николаевке нету. Там даже фельдшера нет. Только в Тузлах. Туда и везти.

— А на чем?

— Да не будь ты тютей! — сердится Иван Данилович. — Где, на чем да как... Иди в Николаевку — в сельсовет, в колхоз, — добывай транспорт. Там ведь люди, помогут. Нельзя, чтоб не помогли. Добывайся, требуй!

Отец, ни слова не говоря, поворачивается и быстро шагает со двора.

— Ну, кухарь, показывай, чего наварил.

Сашук стаскивает тяжелую деревянную крышку с котла. Иван Данилович заглядывает.

— И все сам? — Сашук быстро и часто кивает головой. — Знатный кондер!.. Кажись, малость подгорел. Ну, не беда — смачней будет... Молодец парень!

Сашук расплывается. Если уж сам Иван Данилыч говорит...

Рыбаки садятся за стол, начинают есть, и Сашук ждет, что сейчас и все, как Иван Данилович, будут говорить, какой замечательный кондер он сварил, и хвалить его, Сашука, но вместо этого слышит, как Игнат бурчит:

— Какой же то кондер, то ж каша, ее хочь колуном рубай.

— Заглотаешь и такую, — отзывается Жорка. — Щи да каша — пища наша! Верно, Боцман?

— Это тебе все одно, что дерево, что бревно... Дай табуретку — и ту сжуешь... А человеку после работы еда нужна.

— Не нравится? — спрашивает Иван Данилович, и голос его не сулит ничего хорошего. — Скажи малому спасибо и за такую еду, а то сидели бы на одном хлебе.

Каша в самом деле очень крутая, с трудом проходит в глотку, горчит, но из всех каш, какие он ел, кажется Сашуку самой вкусной. А Иван Данилович... Иван Данилович, конечно же, самый справедливый и самый авторитетный из всех людей, каких он знает.

САМОРДУИ

Сашук наедается своей каши до отвала и соловееет от сытости и усталости. Оказывается, даже если только сварить один кондер, и то устанешь, и он уже предвкушает, как вместе со всеми рыбаками пойдет в барак и ляжет отдыхать. С устатку... Но Иван Данилович говорит вдруг:

— Егор, прибери давай, что ли.— Жорка недовольно морщится.— Надо ж кому-то. А ты моложе всех...

— Ладно,— говорит Жорка.— Если только шеф-повар подсобит. Как, Боцман, подмогнешь? Мы с тобой враз все подчистую.

Сашук согласен. Он согласен сейчас на все. Даже сварить новый кондер. Или что угодно. Лишь бы опять говорили, какой он молодец и как здорово у него все получается.

— Как нам это дело оборудовать? — спрашивает Жорка и на минутку задумывается. Потом берет детскую оцинкованную ванночку, в которой Сашукова мать делает постирушки, и они сваливают туда все миски и ложки.

— Я буду мыть, а ты таскай, на столе раскладывай.

— И вытирать?

— Ну, еще вытирать! Сами на солнце высохнут.

И в самом деле, солнце так накаляет алюминиевые ложки и миски, что они обжигают руки.

— Вон ты его как уделал! — говорит Жорка, наклоняясь над котлом. — Теперь хоть бульдозером выгребай... Тащи песку!

— А где? Тут же нету.

— На море тебе песку мало? Эх, ты, а еще Боцман...

Сашук бежит к морю и уже только на берегу спохватывается — прибежал он без посуды. Не раздумывая долго, он насыпает полную пазуху и, придерживая вздувшуюся пузырями рубашу, бежит обратно. Струйки песка щекотно текут по телу, но все-таки почти половину он доносит до места. Жорка шурует вмазанный котел, Сашук, облокотившись о плиту, наблюдает.

— А боцман — это кто? — спрашивает он.

— Боцман — это, брат, фигура. На корабле первый человек.

— Начальник?

— Ну, начальник! Чего доброго, а их и над ним хватает... А боцман — он и старший, и вроде свой. А главное — по всей корабельной части мастак. И по жизни тоже. Каждую заклепку знает и кто чем дышит... Кончик! Теперь можно пойти храпануть... Постой, а где ж твоя краля? Или уже разошлись, как в море корабли?

— Ну чего привязался? — вспыхивает Сашук.

— Ладно, ладно, уже и пошутить нельзя, — примирительно говорит Жорка и уходит спать.

А Сашук бежит к матери, — может, она передумала и все-таки даст новую рубашку?

Мать еще бледнее, дышит тяжело и стонет. Какая уж там рубашка! Сашук поворачивает обратно, но мать замечает его.

— Посиди со мной, сынок, — слабым голосом говорит она.

Сашук садится на свой топчан.

— Иван Данилыч сказал — я молодец.

— Молодец, молодец... — подтверждает мать.

— А еще мы с Жоркой посуду помыли!

Мать молчит, но Сашук и так знает — ей не по душе, что он опять был с Жоркой. Он лезет под топчан, достает кухтыль, заново рассматривает свое сокровище, потом прячет обратно. Мухи звенят, бьются о пыльные оконные стекла. Сашук складывает ладонь лодочкой и начинает их ловить. Мухи надсадно жужжат и щекотно бьются в ладошке. Однако мухи скоро надоедают. Мать все так же смотрит в угол под

потолком и тихонько стонет. От этого Сашуку становится совсем тоскливо.

— Я пойду с Бимсом поиграю,— говорит он.

— Ладно уж, беги,— вздыхает мать.

Сашук бежит, но вовсе не играть с Бимсом, а напрямик к пятой хате. Он подбегает и столбенеет — машины нет. Совсем нет. Ни во дворе, ни в сарае, ворота которого распахнуты настежь, ни за сараем. Уехали. Вот даже видны свежие отпечатки покрышек в толстом слое пыли на дороге. Значит, недавно. Может, только что. Обманул Звездочет. А еще звал приходить. Ну, не звал, а сказал «валяй» — значит, приходи, а сам... Эх!

Сашуку становится так горько, так обидно — хоть плачь. Но он не плачет, а, сунув кулаки в карманы, насупившись, смотрит вдоль улицы. Может, они не насовсем, а так — на базар или куда — и еще приедут? Хорошо бы пойти во двор и спросить, куда уехали квартиранты, однако на это Сашук не решается — прогонят и еще обругают. Лучше здесь подождать. Все равно дома ничего интересного — мамка стонет, а рыбаки спят.

Сашук перебирается через канаву, садится на корточки возле старого толстого тополя и ждет. Сколько он сидит — полчаса, час или два, — неизвестно. Солнце стоит на месте, да и все равно по солнцу определять время он не умеет, а часы — откуда у него часы, если их и у отца нет. Улица пуста. Только раз тетка из одной хаты пошла в другую, потом вернулась. Да еще пробежала собака.

Время идет, надежды гаснут. Сашук перелезает канаву, чтобы направиться домой, и тут вдруг видит идущего из Балабановки отца. Он весь запыхался, лицо тоже в пыли, по нему текут грязные струйки пота.

— Ты зачем здесь? — строго спрашивает отец, но ответа не ждет. — Как там мамка?

— Лежит.

— Вот беда! И Балабановку, и всю Николаевку избегал — ничего. Лошадей нет — какие теперь у мужиков лошади? А в колхозе все машины в разгоне. Уборка. Пришел в сельсовет, а там говорят: у нас один велосипед...

Говорит он, в сущности, не для Сашука, а сам с собой, потому что ему не с кем поделиться, некому пожаловаться и потому что он не знает, как быть.

— В насмешку, что ли? Разве на велосипеде довезешь? До Тузлов, шутка сказать, двадцать пять километров. По дороге кровью изойдет...

— А зачем?

— В больницу надо мамку везти. А то так и помрет. Что мы тогда делать будем?

— Ну да,— говорит Сашук.— Она же не старая!

— Дурачок! Разве только старые помирают?.. И черт нас дернул вчера в село ходить, все одно без толку... А может, дорога ей повредила, растрясло...

Говоря сам с собой, отец торопливо шагает задами крайних хат — так ближе,— а Сашук старается не отстать и напряженно думает. С какой стати мамка должна помирать? Ну, похворает, и все. Она уже хворала. Две недели лежала в больнице в Измаиле. Сашуку было даже лучше. Ну, случалось, сидели без варева — беда большая. Зато бегай сколько хочешь и где хочешь, никто домой не загоняет. А тут вдруг помирать! Сашук только раз видел покойницу — бабу. Лицо у нее стало маленькое, желтое и какое-то чужое. А самое страшное — она стала неживой: не говорила, не смотрела, лежала на столе, сложив руки, а потом ее увезли и закопали в землю...

Сашука охватывает все бóльшая тревога и смятение. Он уже просто бежит бегом и вдруг замечает, что отец тоже бежит, обгоняет его — и напрямик на бригадный двор.

Посреди двора стоит «газик». Обе дверцы его распахнуты, во все сиденье растянулся на животе вихрастый парень. Он лежит и курит.

— Слушай,— запыхавшись, говорит отец,— слушай, друг! Выручи, сделай одолжение — подкинь человека до Тузлов... А?

Парень поднимает взгляд на отца.

— Какого человека?

— Да жинка у меня захворала, срочно в больницу надо. А тут хоть убейся — никакого транспорта. Ни лошади, ничего, хоть на себе неси...

— Нет,— говорит вихрастый,— не имею права. Я «козлу» не хозяин. Проси начальника. Мне что? Скажет — отвезу!

— А где твой начальник?

— С бригадиром куда-то подались. Может, в лавку — подзаправиться...

Иван Данилович сидит на крыльце за столом. На столе две пустые бутылки из-под «червоного» и одна начатая. Напротив сидит незнакомый человек в вышитой рубашке. Нельзя сказать, что он жирный или толстый. Он просто очень сытый, весь налитой и такой гладкий, что рубашка на нем лежит без единой морщинки.

— Доброго здоровья,— говорит отец, подходя к крыльцу и стаскивая кепку.

— Привет, привет,— отвечает Гладкий и вопросительно смотрит на Ивана Даниловича.

— Рыбак наш,— роняет тот.

— Я до вас,— говорит отец.— Просьба у меня... Насквозь всю Балабановку и Николаевку избегал. Ни лошади, ничего... А в колхозе все машины в разгоне. И председатель говорит: не имею права с уборки снять, голову оторвут...

— Правильно, оторвут,— солидно подтверждает Гладкий.— А в чем дело?

— Жинка у него захворала,— объясняет Иван Данилович.— Недавно из больницы выписалась, сюда приехала и слегла.

— Зачем же рано выписали?

— Разве спрашивают? Выписали, и все,— говорит отец. Пот еще обильнее выступает у него на лице, на шее, он начинает торопливо вытирать его скомканной кепкой.— Сделайте такое одолжение...

— Так а я при чем? Я не доктор.

— Дозвольте на вашей машине до Тузлов отвезти. Всего двадцать пять километров...

Отец заискивающе, просительно смотрит на Гладкого. Тот молчит и думает. Лицо его остается неподвижным, только словно твердеет, становится еще более тугим и налитым.

— Ну,— говорит он,— я эти двадцать пять километров знаю. Часа полтора будет тащиться, да там пока то да сё... Это я сколько часов потеряю? Нет, не могу. Не имею права. Мое время мне не принадлежит, я на работе. В соседнем колхозе уборку заваливают, надо туда гнать, накачку делать... Изыскивайте местные ресурсы.

Он допивает свой стакан, тыльной стороной ладони вытирает губы и тянется за шляпой. Шляпа светло-желтая и вся в дырочки, как решето,— чтобы продувало. Сашук переводит взгляд на Ивана Даниловича. Он ждет, что Иван Данилович сейчас скажет, и этот Гладкий его послушается, как слушаются все. Но Иван Данилович молчит, смотрит в стол и размазывает пальцем по столешнице лужицу «червоного».

Гладкий, а за ним Иван Данилович сходят с крыльца, направляются в бригадный двор. Отец и Сашук идут позади. Отец так и не надевает кепки. Должно быть, хочет улучшить момент, когда тот обернется или остановится, и снова попросить, а может, надеется, что он и сам

передумает. Сашук тоже надеется. Шофер, еще издали завидев начальство, садится за баранку и заводит мотор.

Гладкий, повернувшись к Ивану Даниловичу, поднимает ладонь к шляпе, открывает переднюю дверцу. И тогда Сашук понимает, что он не передумает, что мамка так и останется лежать в душной, звенящей мухами боковушке, будет страшно стонать и, может, даже помрет... Сам себя не помня, Сашук сжимает кулаки и что есть силы, со всей злостью, на какую способен, кричит в налитую, обтянутую рубашкой спину:

— Самордуй!

За шумом мотора Гладкий не слышит или не обращает внимания, он даже не оборачивается. Но отец слышит и дает Сашуку такую затрещину, что тот летит кубарем.

Давно уже улеглась пыль, поднятая кургузым «козлом», а Сашук все еще сидит под навесом, размазывая по щекам злые слезы. Домой он идти не хочет: там отец, а отца он сейчас не любит и презирает. И Ивана Даниловича тоже. Оба забоялись. Вот был бы Жорка, он бы врезал этому самордую... Да и сам Сашук тоже бы не забоялся, если бы камень или еще что. Как запулил бы!.. Он долго перебирает, чем бы можно запулить в Гладкого или прищучить его другим способом, и слезы незаметно высыхают.

Взгляд его бесцельно блуждает по пустому двору, поднимается выше и останавливается на пограничной вышке. Сашук вскакивает. Как же он раньше не догадался?! У них же есть лошади — он сам видел! — а может, и машины тоже...

Сашук стремглав бежит мимо старых окопов и развалин дота. Лошади возле вышки не видно, но это ничего, где-то они же есть, может, спрятаны...

Запахавшийся Сашук подбегает к лестнице и, задрав голову, кричит: — Дяди! Эй, дяди!

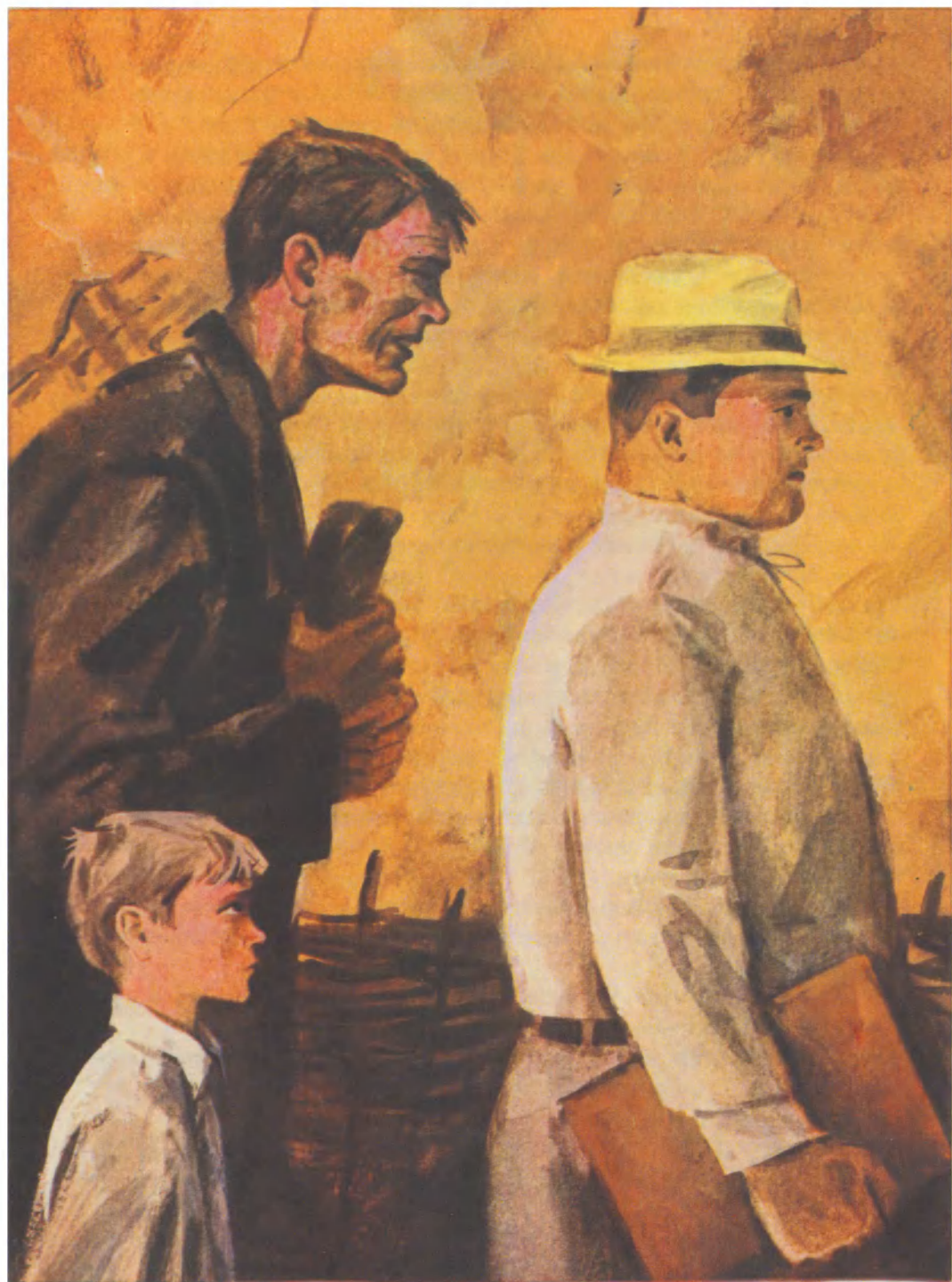
Никто не отвечает. Сашук стучит кулаками по лестнице и снова кричит:

— Дяденьки!.. Дядя Хаким!

И наверху и вокруг тихо, лишь тоненько и заунывно посвистывает ветер в переплетениях вышки.

С трудом преодолевая широкие проемы между ступеньками, Сашук карабкается наверх. Дверь заперта на щеколду — значит, там никого нет, но Сашук все-таки открывает. В будке пусто.

Спускаться вниз почему-то намного труднее и страшнее, чем лезть

наверх. Сашук пятится задом, долго ищет правой ногой нижнюю ступеньку, еле-еле достает до нее, переставляет левую и только потом снова опускает правую, чтобы искать следующую ступеньку.

Подавленный неудачей, он бредет домой и уже подходит к ограде двора, когда замечает, что вдоль задов ближних хат клубится пыль. Сашук смотрит без всякого интереса — что интересного в поднятой ветром пыли? Но на повороте в пыльном облаке мелькает оранжевый кузов. Ветер оттягивает пыль в сторону, и уже ясно видно, что оранжевый автомобиль направляется к откосу, ведущему на пляж. Сашук бежит навстречу машине, потом вдруг спохватывается и стремглав бросается в барак.

— Папа! Пап! — кричит он.

— Тихо ты! — замахивается на него отец кепкой, которую так и не выпускает из рук. — Не видишь?

Мать лежит с закрытыми глазами. Лицо у нее уже не просто бледное, а иссиня-землистое.

— Так папа же! — шепотом кричит Сашук. — Там Звездочет приехал!

— Чего мелешь?

— Ну, дяденька этот... на машине. Пойдем его попросим.

Отец вскакивает, они вдвоем бегут к оранжевому автомобилю. Ануся вприпрыжку скачет к откосу, мама ее с туго набитой сумкой идет следом, а Звездочет захлопывает дверцы и взваливает на плечо колья для тента, обмотанные простыней.

— Гражданин! — отчаянным голосом говорит, подбегая, отец. — Я очень извиняюсь, гражданин... Выручите за ради бога!

Он нещадно жмакает кепку. Сашук впервые видит, какое у него измученное лицо, как дрожат побелевшие губы, и у него самого губы тоже начинают дрожать.

— Что такое? — оборачивается Звездочет и ставит колья на землю.

Мама Ануси делает к ним несколько шагов, но останавливается поодаль.

— Жинка у меня захворала, в больницу надо, в Тузлы... Весь избегался — не на чем везти! Ни лошади, ни машины — хоть убейся!.. Всего двадцать пять километров. А если тут по берегу, может, и ближе...

— Евгений, на минутку! — окликает Звездочета жена.

— Подождите, — говорит Звездочет отцу и отходит.

Они стоят шагах в десяти, разговаривают негромко, но Сашук все слышит.

— Не вздумай ехать! — говорит жена.

— То есть как?

— Вот так! Ты знаешь, чем она больна?

— Я знаю, что она больна, и это единственно важно.

— А мы? А я? Это неважно? Ты о последствиях думаешь?

— Ну знаешь... — совершенно необычным, сухим и жестким тоном говорит Звездочет. — Это уже переходит всякие границы. Человек болен, и ему нужно помочь... Я еще не потерял совести и, конечно, поеду.

— Ах так? Пожалуйста! — еле сдерживая бешенство, говорит жена. Ноздри ее побелели и раздуваются, как на бегу. — Корчи из себя «скорую помощь» для первых встречных... Но имей в виду: я здесь больше не останусь. Ни одного дня! Хватит с меня грязи, благотворительности, паршивых мальчишек... Хватит! Завтра же уеду. Я приехала отдыхать и хочу жить по-человечески...

— Как угодно, — сухо отвечает Звездочет, идет к машине. — Садитесь, — говорит он отцу Сашука и распахивает дверцу.

Тот неловко, бочком, стараясь ничего не запачкать, притыкается на сиденье. Сашук забегает вперед, чтобы его заметили и тоже посадили в машину. Но его не замечают, и ему ничего не остается, как бежать следом в густой туче пыли, поднятой «Москвичом». Когда он вбегает во двор, Иван Данилович и отец уже укладывают мать на заднее сиденье. Отец садится рядом со Звездочетом, машина сразу же трогает, но поворачивает не в Николаевку, а по берегу к пограничной вышке, мимо которой тянется малоезженный проселок. Когда пыль рассеивается, Сашук видит, что Анусина мама идет домой, и даже шаги ее кажутся злыми. Сзади понуро и неохотно плетется Ануся.

КУХТЫЛЬ

День тянется и тянется, а Звездочета и отца все нет и нет. Сашук слоняется по двору, идет на берег, но там никого, а одному скучно, к тому же он боится прозевать Звездочета и возвращается домой. Рыбаки сидят под навесом, «травят баланду»: рассказывают всякие байки и хохочут. Сашук хочет к ним подсесть, но его прогоняют:

— Иди гуляй, мал еще, нечего тут...

Сашук обижается, хотя это не впервой, мог бы привыкнуть: как только взрослые говорят друг другу про смешное, так обязательно его гонят.

Наконец у пограничной вышки появляется пыльное облачко, стелясь по дороге, несется к барaku. Сашук бежит ему навстречу. «Москвич» останавливается у изгороди. Он уже не оранжевый, а желто-рыжий от пыли. Дверца распахивается, отец вылезает.

— Спасибо вам,— говорит он Звездочету.— Выручили, прямо не знаю как... Вот! — Он протягивает смятую пятирублевку.

Звездочет смотрит на пятерку, потом на отца, брови его сдвигаются.

— Вы с ума сошли! Уберите сейчас же!

— Так как же?..

— Вот так. Спрячьте деньги.

— Может, тогда рыбки вам принесть? Свеженькой... А?

— Ничего мне не нужно. Я на чужих несчастьях не зарабатываю.— Тут он замечает Сашука и рад перевести разговор на другое.— А,— говорит он,— неустрашимый охотник на дохлых крабов? Как жизнь? Нашел свою звезду?

— Не,— мотает головой Сашук.

— Еще найдешь, времени у тебя вагон... Слушай-ка, ты мое семейство не видел? Они на пляже?

— Домой ушли. Как вы уехали, они туточка и ушли...

— Туточка? Плохо дело...

Сашук думает, что сейчас Звездочет снова посадит его в машину, даст погудеть в заколдованный гудок, потом газанет и они помчатся «на край света» — к пятой хате Балабановки. Он даже делает шаг к открытой дверце. Но Звездочет захлопывает ее перед самым носом Сашука, «Москвич», как пришпоренный, срывается с места и исчезает в поднятой им пыли.

— Как там Настя? — спрашивает Иван Данилович. — Сдал?

— Сдал,— вздыхает отец.— Еще меня ругали, почему поздно. Еще б чуток и... А я чем виноват?.. Сразу на переливание крови забрали. Надеются вроде...

— Ничего, поправится,— говорит Жорка,— теперь в два счета. Наука у нас...

— Наука наукой...— неопределенно отзывается Иван Данилович.— Ну ладно, мужики. С Настей — сами знаете... Чего делать будем? Сегодня обойдемся — в лавку колбасу привезли... Только каждый день так не пойдет: и накладно, и при нашей работе всухомятку не потянешь...

— Факт. Без приварка не годится.

— Может, есть до этого дела охотники, добровольцы?

Рыбаки переглядываются, пересмеиваются, но никто не вызывается в охотники.

— Жорку к этому делу приставить. Пускай старается...

— Я настораюсь — не обрадуешься!

— А что? Вон малый и то сварил.

— То малый!

— Ша! — обрывает Иван Данилович.— На базаре, что ли? Дело говорите, а не лишь бы горло драть.

Все молчат.

— Я б взялся,— осторожно говорит Игнат,— только расчету нет.

— А какой тебе нужен расчел?

— В артели я свой процент имею. А тут что?

— Видали жмота? — кричит Жорка.

Даже Иван Данилович покачивает головой:

— Н-да... Ты еще и не рыбак — в первую путину пошел, а туда же...

— Я не чужое беру, со всеми наравне работаю.

— Ну, ровней-то ты еще когда станешь... Ладно. Будет тебе твой процент. Тут и всего-то, пока Семен приедет. Передам в Некрасовку, пришлют кого ни то... Нет возражений?

Все молчат. Иван Данилович лезет в карман и протягивает Игнату ключ, который всегда лежал под подушкой у матери Сашука.

— На, тут все хозяйство. С завтрашнего утра начинай кушарить. Теперь пошли заправимся, а то скоро выходить...

Все идут в лавку, покупают колбасу и ситро. Жорка берет себе бутылку «червоного», но Иван Данилович так зыкает на него, что тот сейчас же относит ее продавцу обратно. Перед выходом в море пить нельзя.

Колбаса очень соленая, твердая, но все равно вкусная-превкусная. Сашук съедает свою порцию всю без остатка, вместе с кожурой. Ситро он пьет впервые в жизни. Липучее, приторно-сладкое, оно склеивает ему пальцы и губы, но он готов выпить целую бутылку, даже две. Целую бочку. Почему Иван Данилович говорит, что так не пойдет? Лично он согласен. Хоть каждый день... Потом Сашук и Бимс, которому от рыбаков перепали колбасные шкурки, без конца бегают пить воду.

— А с ним как же? — спрашивает отец у Ивана Даниловича. — Может, с собой?

— Выдумывай! Хорошие игрушки — малого в море таскать. А если погода навалится?

Сашук хочет сказать, что никакой погоды он не боится, пускай его лучше возьмут с собой в море, он все время хочет, а тут одному оставаться не то чтобы страшно, а так... Сказать он не успевает. Иван Данилович поворачивается к нему:

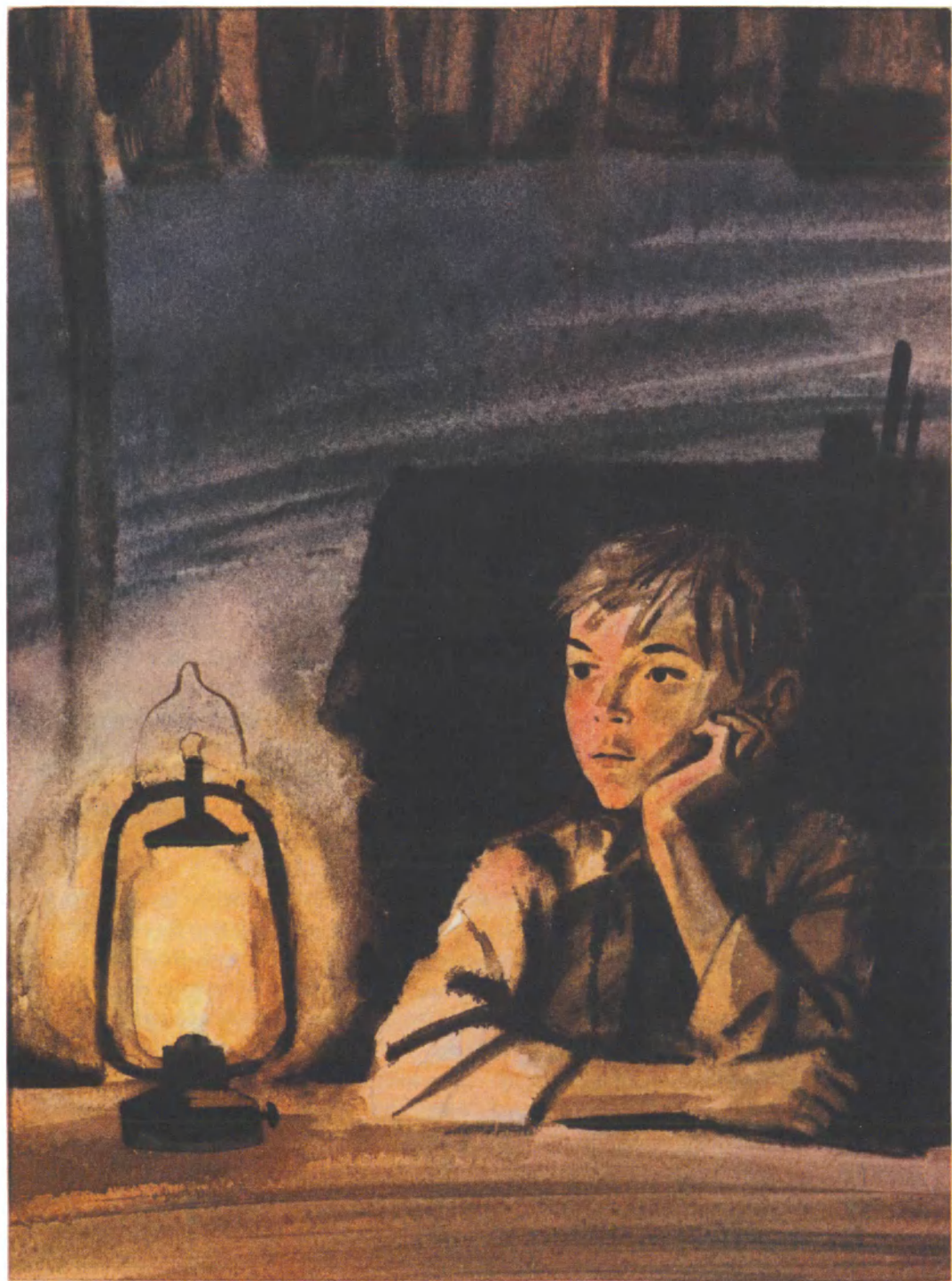
— Вот какое дело, Лександра: ответственное поручение тебе. Останешься один на хозяйстве. Будешь сторожить и вообще поглядывать, чтобы ничего такого. Понятно?

Сашук кивает. Если такое поручение — другое дело.

— Не забоишься один?

— А раньше? Боялись такие!

— Ну и ладно. Может, мы засветло вернемся, сегодня кут ближний. Смотри, я на тебя надеюсь.

— Лучше б запереть хату,— говорит Игнат.— На всякий случай. Мало ли что...

— А ему куда деваться? И никакого случая не будет. Воров тут нет.

Рыбаки уходят, а Сашук, как настоящий сторож, важно обходит свое хозяйство и смотрит, все ли в порядке. Смотреть, в сущности, не на что. Рыбоприемный цех закрыт. В бараке койки с мятыми постелями да мухи. Кладовка заперта, а двор, как всегда, пустой, пыльный, выжженный солнцем. До захода еще можно успеть сбежать и хоть издали посмотреть на «Москвича», но отлучаться нельзя: как же уйти, если Иван Данилович сказал, что надеется на него?

Солнце наполовину уходит за пригорок возле пограничной вышки. Лучше всего пойти в барак, чтобы не было страшно, и запереть дверь. Но в бараке хуже: по углам уже затаилась темнота, а на улице все еще залито розовым светом.

Краешек красного солнца превращается в полоску, потом в точку и исчезает. Но света пока много, и хорошо видно, что возле пограничной вышки опять стоит лошадь и машет хвостом. Значит, приехали пограничники. Сашуку не то чтобы становится менее боязно — он нисколько не боится! — а как-то так, спокойнее. Раз там Хаким и другой, с нашивками, он в случае чего даст им сигнал — и все, будет полный порядок... А чем сигналить? Костер зажечь? Пока-то его разожгешь... Лучше бы всего стрелнуть, так нечем. Сашук приносит из барака спички и «летучую мышь». Долго не может ее открыть, но все-таки изловчается, зажигает фонарь. И вовремя. Вокруг уже совсем темно, только на западе небо чуть-чуть светлеет, но скоро гаснет и там. Сашук захлопывает дверь барака, мучается с ключом, который всегда торчит в замке, наконец ключ со скрежетом поворачивается. Сашук вынимает его и кладет за пазуху. На всякий случай. Мало ли что.

Если смотреть на горящий фитиль и ни о чем таком не думать, кажется, что светло везде вокруг, а не только на маленьком пятачке возле фонаря, и тогда совсем не страшно. И Сашук старается не смотреть по сторонам, а только на огонь. К фонарю слетаются мошкара. И вовсе маленькая — сущая мелюзга, и побольше, и даже совсем большие бабочки с толстыми мохнатыми животами. Мошкара не такая, как бывает днем, а какая-то блеклая, белесая. Она вьется вокруг колпака «летучей мыши», тычется в стекло и, опаленная, падает на столешницу. Сашук пробует ее отгонять, но мошкара упрямо лезет к огню и обжигается. Чтобы удобнее было наблюдать, Сашук укладывает кулак на кулак,

опирается на них подбородком. Мошкара летит и летит, вьется и вьется...

Свет фонаря меркнет, сужается в пятнышко, в точку. Из этой точки вновь разгорается свет, превращается в необыкновенно яркий солнечный день.

Бригада в полном составе сидит под навесом, прохлаждается. И Сашук тоже сидит за столом. Во двор въезжает «Москвич». Звездочет выходит из машины, здоровается со всеми и обращается к Сашуку:

«Ну, как жизнь?»

«Все в порядке», — отвечает Сашук.

«А мамка?»

«Мамка в больнице».

«Так надо ее проведать! Прошу...»

Он открывает перед Сашуком правую дверцу машины.

«Зачем? — говорит Иван Данилович. — Пускай сам ведет, я на него надеюсь».

Звездочет садится справа, пассажиром, а Сашук важно усаживается за баранку и спрашивает:

«А что надо сделать, чтобы поехать?»

«Погудеть, разумеется!» — отвечает Звездочет.

Сашук нажимает на дужку. Раздается такой могучий сигнал, что потрясенные рыбаки зажимают уши.

«Газанем?» — говорит Сашук.

Звездочет кивает и подмигивает:

«Валяй!»

Машина срывается с места и мчитя вдоль берега по малоезженному проселку. Пограничники, высунувшись из оконных проемов, машут Сашуку, он высовывает левую руку и шевелит пальцами, как делает это дядя Семен.

Вышка остается далеко позади, скрывается совсем. По выжженной степи вдоль дороги бредет стадо коров. Сашук сигналист, и коров будто сдувает ветром, а пастух, растопырив руки и открыв рот, каменеет от испуга и восхищения.

Машина летит по степной дороге, и вдруг Звездочет говорит:

«Погоди, чего это там?»

Впереди виднеется черная точка, она быстро увеличивается, растет, и «Москвич» останавливается возле того, что еще недавно было «козлом».

Колеса у него развалились в разные стороны, кузов надломился посередине и лежит пюзом на земле, из-под капота идет пар, сзади

дымится. Шофер стоит перед задраным к небу радиатором и безнадежно чешет затылок.

Из полуразвалившегося кузова вылезает весь в поту и в саже Гладкий. Он подбегает к «Москвичу», еще загодя стаскивая свою светлую шляпу в дырочках.

«Слышь, друг! — просительно говорит он. — Выручи, сделай одолжение — подкинь до Тузлов... А?»

Сашук и Звездочет переглядываются. Гладкий старается поймать их взгляды и, задыхаясь, говорит:

«Вот, поломалась... И ни лошади, ничего... А в колхозе все машины в разгоне... Сделайте такое одолжение. Дозвольте на вашей машине до Тузлов доехать? А? Мне там накачку делать надо...»

Он заискивающе смотрит то на Сашука, то на Звездочета, комкает свою шляпу и начинает вытирать ею пот, еще больше размазывая грязь и сажу.

«А когда тебя люди просили, — говорит Сашук, — тебе своей машины жалко было, да?»

Пришибленный этим напоминанием, Гладкий суетится еще униженнее, но Сашук и Звездочет непреклонны.

«Правильно! — говорит Звездочет. — Пусть теперь сидит здесь. Пускай знает про справедливость!»

Сашук дает газ, и униженный, презренный Гладкий остается позади.

Машина мчится по улицам Тузлов, время от времени Сашук сигналит так громко и пронзительно, что все шарахаются и разбегаются с дороги. На крыльце больницы стоят мамка и доктор. Мамка уже не бледная и скучная, а розовая, веселая и совсем здоровая. Доктор похож на Жорку, только с бородой и в очках.

«Поправилась?» — спрашивает Звездочет.

«А как же, — говорит доктор Жоркиным голосом. — У нас в два счета. Наука!»

«Тогда садитесь, — говорит Звездочет, — и я отвезу вас на край света. Или прямо в космос...»

И вдруг становится темно, доктор превращается в Жорку и кричит над самым ухом Сашука:

— Я же говорил — вылитый боцман! Даже барак запер...

Освещенные снизу «летучей мышью», возле стола стоят Жорка и Иван Данилович.

— Молодец, — говорит Иван Данилович, — не подкачал. Давай ключ.

Сашук достает ключ, отдает и вдруг заходится отчаянным плачем.

— Ты чего, дурной? — удивляется Жорка.

— Не-правда!.. — захлебывается слезами Сашук.

— Что — неправда? — спрашивает Иван Данилович.

— Все неправда! — кричит Сашук и плачет, спрятав лицо в согнутый локоть.

Иван Данилович и Жорка молча смотрят на Сашука. Подходит отец, берет его на руки и несет в боковушку, на топчан. Сашук затихает, но еще долго всхлипывает и судорожно вздыхает.

Сон заново так и не приходит. Он просто спит как убитый, без всяких сновидений. Проснувшись, вспоминает все и первым делом хочет обручать Жорку за то, что разбудил. Только ругать уже некого — в бараче ни души, а во дворе один Игнат, разжигающий плиту. Сашук бежит к хате, в которой живет Звездочет. «Москвич» разинул пасть багажника у самого крыльца. Стоя спиной к улице, в багажнике копается Звездочет. Может... он куда поедет и возьмет Сашука с собой? Может, сон произойдет наяву? А что, бабка сколько раз говорила, что сны сбываются...

В дверях появляется Анусина мама, ставит на крыльцо две сумки. Сашук на всякий случай прячется за деревом. Мать уходит, потом появляется Ануся, и тогда Сашук тихонечко свистит. Звездочет не слышит или не обращает внимания, но Ануся поворачивает голову. Сашук манит ее рукой. Ануся выходит на улицу. Лицо у нее печальное или, может, просто заспанное. Сегодня она еще наряднее: в белом платье с красной каемкой, в красных туфельках и в новой панаме, тоже с красной каемкой.

— Чего это ты вырядилась, фуфыря какая? — спрашивает Сашук.

— А мы уезжаем, — печально говорит Ануся. — Совсем.

Сашук молчит и смотрит то на нее, то на Звездочета, укладывающего сумки в багажник. Ануся опять дергает резинку панамы, та щелкает ее по подбородку.

— Из-за меня?

— Из-за всего. Это мама все... «Я не хочу, я ни за что»... — передразнивает она. — А мне здесь нравится. И папе тоже.

— Так чего?..

— Разве ее переспоришь? — вздыхает Ануся. — Тут, говорит, ни людей, ни водопровода, ни вообще...

— Как это «ни людей»? Вон сколько народу!

Ануся пожимает плечиками. Они оба молчат. Долго и огорченно.

— А я думала, ты мне еще крабаймаешь. Или я сама. Я бы спрятала.

— Обожди! — вскидывается Сашук. — Я счас!

Он стремглав летит домой, бросается под топчан, достает кухтыль и поспешно, но осторожно, обняв обеими руками кухтыль, бежит обратно. Ануся стоит у калитки и ждет.

— На! — запыхавшись, говорит Сашук.

Глаза Ануси вспыхивают, носик морщится в радостной улыбке.

— Насовсем? На память?

— Ага!

— Ой! Папа, папочка!.. Смотри, какую мне вещь Сашук подарил!

Ануся вбегает во двор и сталкивается с матерью. Мать смотрит на кухтыль, ноздри у нее начинают раздуваться и белеют.

— Опять какая-то грязная гадость?

Она выхватывает у Ануси кухтыль, яростно отбрасывает его в сторону. Кухтыль падает на железный скребок для грязи возле крыльца и с глухим брызгом разбивается. Ануся в ужасе всплескивает руками, поднимает опавший мешок из сетки, там звякают стеклянные обломки.

— Зачем! Как не стыдно! — кричит Ануся и, заливаясь слезами, бросается к отцу: — Папа, папа, ну скажи же ей!..

Звездочет придерживает ее трясущиеся плечи и молча смотрит на жену. Та отворачивается, идет к передней дверце и садится в машину.

Вместе с кухтылем разбивается еще что-то такое, чего Сашук не умеет назвать словами, но от чего ему становится невыносимо горько. Он лихорадочно озирается, отламывает внизу у штaketника ком сухой грязи, замахивается — и опускает руку. Его трясет от злости, он так бы и запустил грязевой ком в злое красивое лицо, но понимает, что делать этого нельзя. Он перелезает через канаву и садится на корточки возле старого пыльного тополя.

Звездочет усаживает плачущую Анусю на заднее сиденье, прощается с хозяйкой, заводит мотор. «Москвич», покачиваясь, выезжает на дорогу.

И Звездочет и его жена смотрят прямо перед собой, не произнося ни слова, будто между ними стоит невидимая, но непроницаемая стена. Ануся, припав к лежащему на сиденье свертку, безутешно плачет. Сашука никто не замечает. Машина поворачивает к Николаевке. Когда-то глубокая грязь на дороге давно высохла, размолота колесами в тончайшую бурую пыль. Густым облаком она взвивается за багажником и заволакивает удаляющееся оранжевое чудо.

КУГУТ

Как всегда, Бимс радостно бросается Сашуку навстречу, юлит под ногами, будто пытается поймать свой торчащий бубликом хвост. Сашуку не до него, он поглощен горькой обидой. Бимс не обижается. Он ошалело мечется из стороны в сторону, на поворотах толстый живот его заносит, щенок катится кубарем, но тотчас вскакивает, опять мчится к Сашуку. И мало-помалу Сашук оттаивает. Он даже чувствует угрызения совести: привез щенка и забросил. То одно, то другое, а про него забыл. Совсем стал беспризорным.

— Теперь все! — говорит Сашук. — Теперь мы всегда будем вместе. Есть хочешь?

Они взапуски бегут к Игнату.

— Дядя Гнат, — говорит Сашук, — дай мне ключ от кладовки, я хлеба возьму.

— Еще чего, по кладовкам шарить!

— А что? Мамка мне всегда давала.

Игнат как-то странно, искоса смотрит на него и молчит, потом отворачивается и произносит:

— То мамка... Обождешь. Пойду в кладовку — вынесу.

Через некоторое время он спускается в кладовку, прикрывает

дверь и выносит ломоть хлеба. Не горбушку, а так, из середки.

— Нам на двоих мало,— надувает губы Сашук.

— Хватит баловства, еще собаку хлебом кормить! Будут объедки — пускай жрет... Собака, она и есть собака.

«Вот жадина!» — изумляется про себя Сашук и отходит. Хлеб ноздрястый, сыроватый, с закалом. Сашук обламывает себе верхнюю корочку, остальное скармливает Бимсу.

Конечно, с Бимсом не так интересно, как с Анусей,— что ему ни говори, он только смотрит в глаза и виляет хвостом. Но уж зато не бросит и никуда не уедет. А бегать готов все время, пока не упадет.

И они бегают взапуски вдоль кромки берега, где песок влажный и ноги не вязнут. Чайки тоже ждут рыбаков, надеясь поживиться на дармовщину, и утюжат воздух — туда и обратно, туда и обратно. Они такие нахальные или понимают, что Сашук и Бимс маленькие,— нисколько не боятся и летают над самой головой. Когда крылатая тень пронесется над ними, Бимс испуганно припадает на песок, бросается в сторону, потом обиженно тявкает вслед наглой птице, а Сашук смеется.

— Эх ты, трус,— говорит он.— Вот подожди, скоро вырастешь, никого не будешь бояться, а тебя все будут...

Сашук очень отчетливо видит это недалекое будущее. Бимс вырос, стал огромным и злым псом. Все его боятся, обходят стороной и пробуют задобрить. А он ни на кого не обращает внимания и слушается только своего хозяина, Сашука. Они везде ходят вместе. Бимс важно вышагивает рядом, время от времени скалит клыки, а если нужно, дает чесу. И никто уже не смеет обижать или задирать Сашука...

Чайки начинают истошно орать,— лодки подваливают к причалу. Рыбы много, рыбаки довольны, весело перешучиваются.

— Эй, Боцман! — кричит Жорка.— Давай на подмогу, а то не справимся.

Игнат приходит на причал с кошелкой — взять рыбу для артельного котла.

— Привет, стряпуха! — кричат ему.— Где твой фартук?.. Ты бы юбку надел, для порядка.

Игнат не умеет отвечать шуткой на шутку, угрюмо молчит и все больше насупливается.

Сашук пристраивается на корточках рядом с Жоркой разбирать рыбу. Бимсу шумная суета на причале очень нравится, он путается у всех под ногами и всюду тычет свою нюхалку с высунутым языком. Его

отгоняют, но это кажется ему тоже частью веселой игры, он мечется еще азартнее и подкатывается под ноги Игнату. Тот зло пинает его сапогом, Бимс коротко, будто подавившись, вякает, взлетает в воздух и падает в море.

Сашук бросается к краю причала. Бимс не барахтается, не плавает, а, медленно переворачиваясь, опускается на дно.

— Захлебнулся?

— Не может того быть...

Рыбак с лодки сачком на длинной рукоятке подхватывает щенка, поднимает из воды и вываливает на причал. Сашук трогает его рукой, но щенок лежит неподвижно. Из полуоткрытого рта выливается немножко воды и вываливается кончик розового языка. Рыбаки стоят, молча смотрят на щенка, Сашука и Игната, и только чайки над ними мечутся из стороны в сторону и пронзительно орут.

— Убился? — спрашивает кто-то за спиной Сашука.

— Убил, а не убился. Много ему надо!

— Нашел, на ком зло срывать...

Только тогда до Сашука доходит смысл происшедшего. Он хватается щенка на руки, прижимает, трясет. Хвост и лапы безжизненно мотаются, повисшая голова показывает мелкие зубы и просунутый между ними кусочек языка. Сашук слепнет от слез, отчаяния и ненависти.

— Ты... ты — фашист! — кричит он Игнату. — Кугут проклятый!

Склоненный над ящиком Жорка медленно и страшно распрямляется, перешагивает через ящик, сгребает Игната за грудки и заносит над ним кулак.

— Егор!

Окрик Ивана Даниловича — как удар бичом. Несколько секунд Жорка сумасшедшими глазами смотрит на Ивана Даниловича, жилы у него на шее так вздуваются, что кажется, сейчас лопнут. Он опускает кулак и отталкивает Игната, тот стучается спиной о стойку транспорта.

— Иди, гад... чтоб я тебя больше не видел!

Игнат подхватывает выпавшую из рук кошелку и, втянув голову в плечи, торопливо уходит с причала. Рыбаки молча смотрят ему вслед.

— Слышь, Боцман, — все еще тяжело дыша, говорит Жорка Сашуку и кладет ему руку на плечо. — Ты его на солнышко. Может, отойдет...

— Давай-давай, ребята, — командует Иван Данилович. — Хватит!

Солнце не помогает. Шерсть на щенке обсыхает, но сам он коченеет, лапы становятся твердыми, негнущимися, как палки. Сашук сидит рядом с ним, уткнувшись в колени, и безутешно плачет. Он не поднимает голову, даже когда подходит Жорка и садится рядом.

— Ханá! — говорит Жорка, потрогав труп щенка. — Ладно, чего уж теперь реветь...

— Ж-жалко, — захлебываясь, выдавливает Сашук.

— Понятно, жалко, только все одно жалостью не поможешь... Надо его зарыть. — Сашук отчаянно мотает головой. — А как же иначе? Оставить — чайки расклюют, крабы растащат. Эта тварь на падаль падкая...

Поодаль от причала, возле глинистого обрыва, Жорка руками вырывает яму в песке, кладет туда труп и засыпает. Потом берет Сашука за руку, ведет домой. Это очень кстати, потому что Сашук то и дело спотыкается. Слезы застилают ему глаза, он размазывает, стирает их кулаком, но они набегают снова и снова. Жорка его уговаривает, даже стыдит, но Сашук безутешен. Его терзает щемящая жалость. Он с опозданием корит себя не только за то, что в эти дни не обращал на щенка внимания, совсем забросил, а даже за то, что привез его сюда, в Балабановку. Он не хотел оставлять кутьку в Некрасовке, боясь, что тот без него пропадет, а он вот пропал здесь. Останься Бимс в Некрасовке, может, жил и жил бы, а теперь...

И хлеб, и кондер кажутся Сашуку горькими, не идут в горло. Он старается сдерживать всхлипывания, но от этого они только становятся глубже, судорожнее. Рыбаки едят молча, мрачно, без обычных шуточек и пересмешек. Не то чтобы все расстроились из-за гибели щенка — никто к нему не был особенно привязан, — но настроение у всех испорчено. За все время только кто-то бурчит:

— У Насти оно вроде послаще, смачнее получалось...

Говорящего никто не поддерживает, Игнат делает вид, что не слышит. Рыбаки идут отдыхать. Чтобы не оставаться с Игнатом, Сашук уходит со двора.

Полуденный зной дрожит, струится над буграми и ямами старых окопов, бетонными глыбами взорванного дота. Теперь Сашук смотрит на них без всякого интереса — играть в войну не с кем. Нет даже Бимса, хотя он тоже не умел играть в войну. Может, потом и научился бы...

Сашук садится над обрывом и смотрит в море. Там ни лодки, ни дыма, ни паруса. Только бесконечная россыпь блестков, солнечных зай-

чиков, да воспаленная мгла, затянувшая горизонт. Даже чаек нет, они куда-то попрятались — должно быть, тоже улетели отдыхать. Никого нет и на земле. Бригадный двор пуст, безлюдна придавленная зноем Балабановка, а в степи и подавно никого нет. И Сашук сам себе кажется таким маленьким, таким затерянным в огромном безлюдье, что ему становится нестерпимо жалко себя. Беда за бедой. Мать увезли в больницу. Звездочет уехал и увез Анусю. А теперь пропал Бимс, и Сашук остался совсем один. С рыбаками разве поговоришь. Они только смеются. А играть и вовсе... Все они хорошо относятся к Сашуку, но что толку, если они большие и все время или работают, или спят, отдыхают. Разве только Жорка...

Жорка первый отсыпается и выходит из барака. Они идут вместе купаться, потом лежат на песке и разговаривают про разное.

— Ты не горюй,— говорит Жорка.— Вернемся в Некрасовку, такого щенка найдем — закачаешься! Настоящую ищейку. Какие у пограничников, знаешь?

— Ага.— Иметь ищейку Сашуку очень хочется, однако, подумав, он говорит: — То ж будет уже другая собака. Не Бимс.

— Бимса не воротишь, чего уж тут... Кабы не Иван Данилыч, я б тому гаду...

— Хоть бы разик врезал! — с сожалением вздыхает Сашук.

— Нельзя, брат, я Ивану Данилычу слово дал. Я, когда остереволюсь, таких дров наломать могу...

За обедом опять кондер, и опять он кажется Сашуку невкусным. И не только ему. Тот же рыбак, что утром помянул Настю, бултыхает ложкой кондер и говорит:

— Чистая баландея!

— Игнат, да ты сало клал или нет?

— А как же,— говорит Игнат.

— Так где ж оно, если сальчина за сальчиной гоняется с дубиной.

— Сколько есть. Растягивать надо. А то раз будет густо, потом пусто.

— Что у нас, сала нет? — спрашивает Иван Данилович.

— Есть, да мало. Полтора куска осталось.

— Куда ж оно девалось? Было много.

— А я почем знаю? Кабы я сначала за продукты отвечал. А то кто хотел, тот в кладовку и лазал. Вон и этот,— кивает Игнат на Сашука,— туда лазал. Может, собаку свою салом кормил...

У Сашука даже перехватывает дыхание. Как он может? Зачем он врет?.. Сашук так поражен и возмущен, что не может сказать ни слова и только с ужасом во все глаза смотрит на бесстыже лгущего Игната.

— Так ты за то и кутенка пришиб? — кричит Жорка.

— Обожди с ерундой! — обрывает его Иван Данилович и поворачивается к Игнату. — Ты Настю не марай, она честнее нас всех. И наговаривать на человека за глаза...

— Так что, по-вашему, я взял? Выходит, украл?

Иван Данилович молчит, но Жорка молчать не может.

— И выходит! — кричит он.

— Ты меня поймал? — зло огрызается Игнат. — Видел?

— А сейчас увидим! Вот возьмем и растрясем твой сундук, поглядим, чего там напратано.

— Не имеешь права обыскивать!

— А без всякого права. Хочешь — меня обыскивай, мне прятать нечего. А ты, коли прячешь...

Жорка приподнимается из-за стола, Игнат делает шаг назад, к двери в барак, лицо его сереет.

— Да что вы, братцы? — говорит он, рыская взглядом по лицам рыбаков. — Разве ж так можно?.. А если я из дому взял? На всякий случай... Не имею права?

Кто-то тихонько протяжно свистит и вполголоса добавляет:

— Спекся!

— Та-ак! — произносит Иван Данилович.

Все оборачиваются к Ивану Даниловичу и ждут, что он еще скажет. Иван Данилович молчит и смотрит на Игната. Потом медленно, поочередно смотрит на всех. Ничего не спрашивает и не говорит, только смотрит. И, должно быть, то, что он видит, — как раз то, что ожидал увидеть. Он снова поворачивается к Игнату и глухо, но твердо говорит:

— Уходи!

— Как — уходи? Куда?

— От нас уходи. Совсем.

— Да что ты, Иван Данилыч! Из-за чего все началось? Разве можно человека из-за какой-то паршивой собаки...

— Не из-за собаки. Из-за людей. С людьми надо по-людски. А ты не можешь. Нам такие не ко двору. Собирай свое барахлишко...

— За что? Что я такое сделал?

— Сам знаешь. Или вправду обыскать?.. Море — не огород за хатой,

в одиночку с ним не совладаешь. Наше дело артельское, двуличных не любит, которые только про себя думают. Понятно?.. А может, кто против, не согласен?

— Пускай уматывает!

— Поимейте совесть — разве можно на ночь глядя?

— Ничего, на попутных доберешься. А на свободе и про совесть подумаешь. Про свою.

Игнат, втянув голову в плечи, как давеча на причале, уходит в барак.

— Дяденька Иван Данилыч,— говорит Сашук,— он врал все. Вот честное слово! Мамка мне ни разу ни вот столечко не дала. Это, говорит, артельское...

— Правильно! — кивает Иван Данилович.

— А как ты догадался?

— Я не догадался, я знаю.

Игнат выходит со своим сундучком из барака, ставит его на землю.

— А с расчетом теперь как? По закону, если раньше срока, пособие полагается...

— Правильно, полагается,— говорит Жорка.— Я тебе хоть сейчас могу выдать пособие. Персональное.— Сжав свои здоровенные кулаки, он кладет их на стол.

— Не дури,— останавливает его Иван Данилович.— Я председателю все передам, небось не обсчитают, не на базаре.

— Все равно буду жаловаться!

— Давай-давай топай! — говорит Жорка.

Игнат поднимает сундучок на плечо, идет через двор к дороге, потом поворачивает в Балабановку. Придавленная сундуком фигура становится все меньше и меньше.

Зажав ладони между коленками, Сашук искоса смотрит на удаляющуюся фигуру, и ему даже становится жалко изгнанного Игната.

— А куда он теперь? — спрашивает Сашук.

— Обратно в Некрасовку,— говорит Жорка.— Будет опять на огороде копать, в Измаиле городских на огурцах да помидорах околпачивать... Не бойся, такой не пропадет.

Рыбаки расходятся. Остаются только Сашук и Жорка. Жорка сгребает в кучу грязную посуду, а Сашук думает.

— А почему...— начинает он.

Жорка оглядывается на него.

— Почему люди злятся, врут, обманывают?

Жорка молчит.

— И вообще,— раздумчиво произносит Сашук,— зачем плохие люди?

— Ни к чему, да вот есть!.. Что ж их всех, в мешок да в воду?

Сашук искоса, снизу вверх смотрит на Жорку. Ответ не удовлетворяет его, и он опять задумывается — сгорбившись, зажав ладошки между колен.

Думы у него невеселые. Плохо быть маленьким. Трудно. И не потому, что тебя всякий обидит. То само собой. Главное — столько непонятного... «Скорей бы большим стать, что ли!» — с тоской думает Сашук. А лучше всего найти звезду, про которую говорил Звездочет... Вот тогда бы да, тогда бы он знал, где плохие люди, а где хорошие, кому верить, кому нет, где правда, а где обман и что надо делать...

— Мы сейчас в море уйдем,— говорит Жорка.— Не забоишься один?

Сашук отрицательно мотает головой.

— Не... Я только на причал пойду. Там хоть чайки...

Рыбаки уходят. Сашук запирает барак и бежит за ними. Над причалом вьются, кричат немногочисленные перед вечером чайки.

Лодки отваливают. Сашук стоит на краю причала и смотрит им вслед. На одной из лодок поднимается рука, долетает отдаленный голос Жорки:

— Не дрейфь, Ботман!

Сашук не шевелится и не отвечает, только смотрит на удаляющиеся лодки.

Солнце скрывается, и после этого, как всегда, очень быстро темнеет. На востоке появляется звезда. Незаметная сначала, она разгорается все ярче и ярче. Вслед за нею вспыхивают другие, отражения их искрятся, переливаются в глухом, темном море. Ничего этого Сашук не видит. Скукожившись возле пустых ящиков, он спит.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЕЗДНА	5
КРУТОЙ ЗАСОЛ	12
НОЧНОЙ ДОЗОР	19
ЗВЕЗДОЧЕТ	30
АНУСЯ	39
ОРАНЖЕВЫЙ БОГ	47
ПИЩА НАША	56
САМОРДУИ	66
КУХТЫЛЬ	76
КУГУТ	86

Для младшего школьного возраста

**Николай Иванович
Дубов**

МАЛЬЧИК У МОРЯ

Редактор **К. К. Покровская**
Художественный редактор **М. С. Таирова**
Технический редактор **Л. Б. Чуева**
Корректор **Н. Д. Бучарова**

ИБ № 918

Сдано в набор 7/XII-77 г. Подп. к печ. 30/V-78 г.
Формат бум. 70×90/16. Физ. печ. л. 6,0. Уч.-
изд. л. 6,20. Усл. печ. л. 7,02. Изд. инд. ЛД—156.
Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп. Бум. № 1 офс.
Зак. № 85

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

70 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ